

Кошка Сашка

Дневник путешественника

альбом «Мое междугородье»

2013

УДК
ББК

Кошка Сашка **Дневник путешественника**

Кошка Сашка
Дневник путешественника
М.: Александра Павлова, 2013. — 120 с., ил.
ISBN

Кошка Сашка (Павлова Александра Сергеевна, г. Москва) — бард-рок музыкант, поэт, путешественник, собиратель интересных историй и людей.

Эта книга — незвучащая половина музыкального альбома «Мое междугородье», часть жизни и творчества автора, посвященная Дороге. Это попытка рассказать о том, что творится на душе и в голове человека, который всегда идет дальше.

Художник: Катерина Жбанова
Верстка: Михаил Суворов
Текст представлен в авторской редакции

© Павлова Александра, текст, 2004-2013
Все права защищены.

Привет!
Меня зовут Кошка Сашка,
или, если угодно, Саша Павлова.
Живу я в Москве.
Эта тетрадка — мой литера-
турный дневник.
Если она попала к вам в руки,
вы можете связаться со мной
через сайт

www.koshka-sashka.ru

Содержание

Рассказы

Путь на Юг.....	6
Чтобы зима была пушистой.....	21
Гастроли по-украински.....	22
Лоскутные воспоминания.....	35
На Север.....	38
Кошь и Самара.....	41
Последний день весны.....	46
Трасса Новосибирск-Москва.....	50

Песни

Академгородок.....	73
Ветер на трассе.....	75
Волшебный третий.....	76
Вторая попытка.....	77
Город-которому-принадлежу.....	78
Город-храм.....	79
Заговор.....	80
Кайф.....	81
Кузбасс.....	82
Любимый Город.....	83
Мелодия Северного Ветра.....	85
Мое междугородье.....	86
Ночной междугородний.....	88
Сестра.....	89

Собачья вахта.....	91
Сталкер.....	92
Тени.....	93
Этот город.....	95

Стихи

«В температурном полусне...».....	97
День странных стихов.....	97
«Еще пара часов...».....	98
Ночь странных стихов. Урал.....	98
Полнолуние августа.....	99
«Снова хочется странных стихов».....	99
«Что тебе сказать?».....	100
Слалом.....	101
Возвращение в Харьков.....	103

Рассказы

Путь на Юг

*Но когда-нибудь закончится игра,
Придет последний час, мы проиграем в споре,
И, как в кино, тебе захочется тогда
Купить текилы и увидеть море
гр. Понедельник*

Это была очень тяжелая весна 2007 года. Смерть Александра Непомнящего. Мы были знакомы шапочно, но он был моим Учителем. Ведь с некоторыми Учителями вообще не обязательно быть знакомым лично.

Смерть Оли Стыценко. Какое-то время мы были лучшими подругами. На тот момент не общались. Мне пришла смска с ее телефона «Оля умерла. Похороны в субботу». А у меня даже номер не определился. У меня не было ее нового номера.

Эта чертова поликлиника. Передо мной на стол швыряют мою медицинскую карту и говорят: «Это не к нам, это в онкологию». Перед глазами черные круги. Как будто в полусне прихожу домой, открываю электронную почту, там приглашение на бардовский фестиваль «Оскольская Лира». В свое время в его жюри был Александр Литвинов, тогда уже известный как Веня ДРкин. Умер от рака. Потом в его жюри был Александр Непомнящий. Умер от рака. А вот хрен вам — Александры Павловой у вас не будет.

Я много лет просидела в Москве — еще когда я училась в школе, сама собой загнулась привычка праздновать дни рождения и выезжать на лето. У нас нет дачи. У меня нет денег. Но я хочу увидеть море.

1.

Выкатившись из дому в 12 часов дня, 3 августа 2007 года, я очень рассчитывала попасть на тульскую электричку в 12:57, которую разово отменили из-за ремонта путей. Домой возвращаться не хотелось, поэтому я просидела на платформе до следующей электрички. Она подошла полная, так что сидеть было негде. Погода была отвратительная, посему тамбур был грязный и мокрый. Я села в тамбуре на свернутую пенку и заснула. Путь на Юг начинался с дождя на Курском вокзале и грязного тамбура. Попытка пожаловаться смской потерпела фиаско внезапным ответом: «Считай, что ты попала в зону Питера». Мало кто поймет всю зловещесть этой фразы, ибо та жопа, которая со мной обычно творится в Питере, на югах мне совершенно не улыбалась. В Туле тоже шел дождь...

Мелкий паршивый дождик прекратился, когда мы уже подъезжали к кремлю. Когда я планировала поездку, я написала всем знакомым, в города, по пути следования, и попросила организовать квартирки. В Туле квартиры не нашлось, поэтому мои друзья поймали меня на вокзале, и мы поехали в самое известное место города, точку сбора местного нефорья. Давно я не тусила с гитарой на лавочках. Подходят какие-то незнакомые дети, просят гитару, поют Йовин. Пиво из ларька, кто-то подыгрывает на соло-гитаре, хвастается, что всего 4 месяца играет. Эх, где мои 17 лет! А потом мы поехали вписываться к Марине. Мы не были раньше знакомы — просто девочка, которая пришла на этот «концерт». Разговорились. Было приятно и неожиданно смотреть, как в разговоре, через человека, который производил впечатление праздного слушателя, начинает проглядывать талант в сильном творческом кризисе. Приятно понимать, даже не понимать, а чувствовать, что рядом есть такие же, как ты. Такие же живые, неправильные, запутавшиеся. Живой человек среди всего этого непонятного дождливого кошмара, который надо принять, и найти в нем позитив. Почти шок. Ржем и веселимся всю ночь, почти ни о чем не думая, проваливаясь в сон на два часа.

4 августа с утраца - дорога в Липецк. Автобус, судя по всему, вышел в рейс на спор: «доедет - не доедет». Ехал он со скоростью километров пятьдесят максимум, и в салоне стояла адская жара. Он еще и встревал во все пробки, в какие только можно: 7,5 часов от Тулы до Липецка — своеобразный рекорд. В багажнике места хватило только на рюкзак, гитару пришлось поставить в проход, а так как на гитару была присобачена палатка в чехле, проход эта конструкция перегораживала полностью. Водитель радостно подбирал по дороге всех, кого не попадая, и

периодически они стояли в проходе, а гитара ехала у меня на коленках. Я прокляла все на свете, и в первую очередь отсутствие у меня нормальной СВОЕЙ снаряги. Потому, что наасканным по друзьям палаткам-котелкам в зубы не смотрят.

В Липецке меня встретили Купер и Бо, и прямо от порога автобуса начался какой-то зашкаливающий полустерический позитив. Я по ним очень соскучилась. Липецк я помнила по предыдущим гастролям, как одну из самых теплых страниц своей концертной деятельности, и, наверное, стремилась сюда больше, чем, куда бы то ни было. Ребята повесили на себя мое шмотье, что немало подняло мне настроение. По дороге к нам прикопался какой-то смешной дяденька, который решил, что тут снимают «Ералаш». На самом деле, представьте себе — идет по Липецку процессия явно походного вида — Купер 2 метра ростом и очень худенький, с гитарой, Бо с моим рюкзаком, а он чуть ниже меня, то есть ровно в половину Купера, и я — такая круглая, лохматая.

Кварт отыграла просто суперский! На позитиве и гитаре играть намного легче, чем просто на гитаре. Ребят была очень рада видеть. Фантик, как обычно, что-то бухтел между песнями. Рокси здорово поет, хоть мы ее и не развели сыграть «назад в Уэмбли», уровень всеобщего счастья все равно зашкаливал. Рокси же и дала мне нормальный рюкзак, так что дальнейшая дорога моя была скрашена удобством снаряги. Мы сидели на кухне, что-то пили, что-то бурно обсуждали, пока кто-то не сорвал стоп-кран: «Почему ты такая веселая, а песни у тебя такие печальные?». «Ребят, есть большая доля вероятности, что я умираю». Потом я что-то объясняла, меня пытались успокоить. Я не плакала. Голос звучал как будто издалека, с сильным эхом. Я проваливалась в колодезь. Меня разбудили рано утром — пора было выезжать из знакомых городов.

5 августа я выкатилась в Воронеж, в котором меня ждал внезапный мир-чемодан: Хреник. Вернее Аня из Питера, которая стопщица, которая у меня в Москве висела в начале июля. Она заболела и вписывалась там же, где должна была вписываться я. Но вписаться в Воронеже была не судьба. Я б даже сказала не судьба глобальная.

Напасть сия началась сразу, когда я не догадалась взять билет в Ростов, не уезжая с автовокзала. Потом я в, 24 года, обнаружила у себя аллергию на дыни. В первый раз не обратила на нее внимания. А теперь уже точно — она! Поешь дыню, через 2 часа опухает горло. Обнаружилось это прямо перед концертом. Потом я ухитрилась потерять оба медиатора, положенные в задний карман джинсов. Ладно, нашли мне

в клубе медиатор. Потом, пока я пела для ребят в небольшом уютном кафе Викинг, странный человек-организатор Али съездил на автовокзал и вернулся с вестью о том, что билетов нет. А если покупать что есть, я не успеваю на собственный кварт в Ростове. Решение было принято как-то сразу. Трасса. Сердце екнуло. Я столько об этом пела, судьба как будто намекает — пора вернуть должок. Тем более, терять, в общем, уже нечего. В клубе был какой-то человек с машиной, в которую мы впрыгнули, едва я успела убрать гитару и попрощаться со слушателями.

Меня выгрузили после первого поста ДПС, на выезде из города, и пожелали удачи. Воронеж закончился, и нервяк отпустил. Жаль, я совсем по-другому представляла себе отношения с этим городом. Но эти мысли приходили, и моментально теряли свою ценность. Потому, что я стояла на трассе. Я, которая написала свою «Автостопную» в 2001 году, которая любит и поет песни Санты... Я первый раз в жизни стояла на трассе. Все последующее было результатом этого безумного, но, по сути, единственно возможного решения. Не осознавая, а больше чувствуя, как со скрипом поворачивается колесо судьбы, я подняла руку, зажатую в кулак, подняв вверх большой палец. Как написано в учебнике Кротова «Автостопом по России». И пошла дальше на Юг, по трассе.

Стояла я буквально минут пять. Руки трясутся, страшно, я голодная, 9 часов вечера, темнеет скоро. Тут ко мне подходит парнишка-стопщик, и у нас происходит гениальный разговор:

- Привет! А ты наверное опытный стопщик?
- Привет! Не-а, а с чего ты взял?
- Ну, у тебя коврик есть, и одежда яркая, и фонарик...
- Ты знаешь, я первый раз на трассе. Я просто учебник читала.
- Какой учебник?
- Ну, по автостопу...

(немая сцена)

Слово за слово: Илья ехал из Архангельска. Он всю жизнь жил на Белом море. Осенью ему в армию. Он не будет бегать или поступать в институт, но он хочет увидеть теплое Черное море. Под Воронежем он оказался за 2 дня, проделав путь почти в две тысячи километров. Мы застопили пару автобусов, которые отвезли нас по 20 км каждый, а потом остановилась грузовая «Газель», которая довезла нас до самого Ростова. Дяденька Чингиз, из Тулы, они с напарником ехали на двух «Газелях»

в Ставрополь за арбузами. Нас выбрали, несмотря на ту кучу вещей, которой я была обвешана. По дороге напарник Чингиза подобрал двух хипей, идущих с «радуги» в Анапу. Ночь нас накрыла в дороге, и «Газели» остановились у какой-то, хорошо известной нашим водителям, харчевни. Водители пошли ночевать в домик при харчевне, а нас, всех четверых, отправили в кузов, где на дне была постелена солома.

Утром, еще сонные, мы погрузились в машины и поехали дальше. Илья дремал, откинувшись на подголовник, а мы с Чингизом разговаривали. Чингиз рассказывал, как служил в Германии, как правильно выбирать арбузы, как он купил «Газель». Я рассказывала, как я играю концерты и пробираюсь на юг, и что мечтаю когда-нибудь купить свой гастрольный автобус, ездить по стране с концертами и собирать по трассам автостопщиков. Чингиз спросил, умею ли я водить. Я ответила, что практически нет, но очень хочу. Тогда он как то лихо посмотрел на меня, взял мою руку, положил на руль и сказал: «Держи!». И отпустил руки.

Паника. Примерно полсекунды. Машину ведет вправо. Я, вцепившись в руль двумя руками, аккуратно поворачиваю. Получилось!!! Так, теперь ведет влево. Опять выравниваю. Чингиз смеется, я не могу сказать не слова, и ничего сделать не могу, потому, что не могу бросить руль. Прошло, наверное, минуты две, прежде чем он опять взял руль. Руки у меня тряслись. Перед нами расстилались ростовские степи, ставшие бескрайними полями подсолнухов, разрезанные пополам пустой трассой, и залитые утренним солнцем.

На развилке мы попрощались с нашими водителями, «Газели» уехали по объездной, а мы сели в придорожной кафешке, поесть, и обсудить план действий. Илюха хотел посмотреть на Дон, ребята спешили в Анапу, а мне надо было прошататься до вечера, до времени сбора на квартирник. Надо сказать, мы представляли собой довольно разношерстную компанию. Я была одета как по учебнику: яркая маечка «Экспедиции», рюкзак, на гитару намотана красная рубашка, на шее фонарь, который я включала ночью. Илюха просто человек, по каким-то обстоятельствам вышедший на трассу. Влад с Сашей — двое классических хиппеев с «радуги»: в феньках, в разноцветных одеждах, с дредами и расточками в волосах. Мы решили, что оригинальничать не стоит, а стоит войти в город и сесть на общественный транспорт в сторону центра, а там будем действовать по обстоятельствам.

Как сказал потом Влад: «Я поверил в карму». На остановке, кроме нас, была позитивная тетенька в возрасте, которая собирала разбегающихся

во все стороны детишек, и, одновременно, приглядывала за кучей продуктовых сумок. Мы спросили у нее маршрут. Просто спросили. Через полчаса вся наша дружная компания ввалилась к ней в гости, волоча ее тяжелые сумки. И как бы она сама все это притащила? Оказывается ребяташки — её внуки, а за городом она навещала в санатории дочку своего нынешнего мужа, заодно и закупила продуктов на местном рынке. Она пустила нас в душ, покормила, наполнила компотом наши пластиковые бутылки, и вообще предлагала остаться на ночь. Но мы поблагодарили ее за гостеприимство и поехали кто куда: я на кварт, а Илья с ребятами в Анапу. Я помахала в окно троллейбуса позитивному кусочку лета — трем совершенно незнакомым людям — и поехала играть квартирник. Это — моя карма. И я всегда в нее верю.

2.

«Ростов-на-Дону — город очень красивых, улыбающихся людей. Нет, здесь не ходят и улыбаются, но если с кем-то заговорить, все очень приветливые. «Мне очень редко незнакомые люди помогают втаскивать рюкзак в маршрутку. А еще, здесь много девушек с такими же темными вьющимися волосами как у меня» - думала я ранним утром в маршрутке «Ростов-Таганрог».

Ребята-организаторы, Женья, Паша и Жорик, были студентами Таганрогского Радиотехнического института, «радика», и снимали частный дом на всю тусовку. Пока мы с Женей ехали по Таганрогу на трамвае, я с интересом разглядывала частный сектор: деревянные домики, заборы увитые виноградом, двухэтажные кирпичные дома с коваными балконами, на улицах вместо кленов и тополей растет грецкий орех, на газоне пасется козел.... Нет, реально, среди трамвайных путей, тротуаров и киосков, на клочке зеленой травы привязали козла пастись! Для меня, дикого городского жителя, это был разрыв шаблонов.

Я сидела на кухне-веранде, в небольшом уютном деревянном домике. Это все-таки потрясающее ощущение, когда кругом дерево, а не кирпич, и уж тем более не стекло и бетон. Здесь есть нормальные душ и туалет. Но помыться можно только ночью — днем напора воды не хватает, и водопровод не работает. Очень хочется пойти гулять, но на меня навалилась какая-то необъяснимая усталость. Хотя, почему необъяснимая? Если спать по 2-4 часа в сутки, да еще и с такими приключениями, кто угодно устанет.

Вечером ребята стали собираться на квартирник. Я была какая-то совсем вялая, через каждые 2-3 песни начинала разговаривать с публикой,

благо было с кем поговорить. Ребята принесли и подарили мне свои диски. Глядя на эту внушительную стопку, в голову начали закрадываться невеселые мысли: сколько же у меня на квартирнике музыкантов, которым совершенно не куда себя девать! Собраться, отрепетировать песни, сыграть концерт для своих, записать живой альбом, издать его на домашнем компьютере... и все. Иногда играть, в перерыве, на концертах заезжих бардов, типа меня. На этом фантазия останавливается. Потом следует взрослая жизнь: вышка, жена/муж, дети, сад/огород, работа. Альбом так и останется на полочке. Как надгробная плита на могилке мечты. Да пара фоток на память, где еще молодые, красивые, с гитарами. И для них это нормально. И, глядя на эту теплую душевную компанию, улыбчивых, людей, невольно начинаешь задумываться - а может это действительно нормально? Может это я не права? Может я зря все это затеяла, и надо было сидеть дома, и работать в институте с девяти до шести?

Прямо передо мной сидели два мальчика, классических эмо. На вид им было лет по четырнадцать. На них были одинаковые черные джинсы, розовые футболки, черные волосы были зачесаны на одну сторону, в ушах тоннели. Никто их не знал, они пришли по объявлению на форуме. Они сидели рядом весь кварт, и внимательно слушали все песни и весь наш треп. В конце я, как обычно, спела Врага. Каково же было мое удивление, когда я заметила, что они шепотом повторяют за мной текст — это была единственная песня, которую они знали! Я поняла бы, если бы фашисты или военные запаса, но маленькие мальчики-эмо? Докатались. Интересно, как они эту песню понимают?

После квартирника ребята предложили прогуляться до моря, благо там было минут 10 пешком. Я не могла отказать, ведь именно ради него я и приехала, именно поэтому я назначила последним пунктом моего путешествия Таганрог — здесь есть знакомые, которые могут организовать кварт и вписать, и здесь есть море!

Море было зеленым и изрядно воняло. Так как было уже темно, цвет я определила по двум гламурным девицам, вышедшим из воды, и продефилировавшим мимо нас в сторону кабака, из которого доносилась музыка. Даже в непонятном свете пляжного ночного освещения было ясно — вода представляет собой зеленую цветущую жижу. Ну конечно же, Таганрогский залив совсем мелкий, и к августу он превращается в цветущую лужу. Мы сидели на бетонных плитах, нагретых за день, к которым подкатывались зеленые волны. Я дошла до конечной точки

своего маршрута, и у меня не было желания даже опустить в воду босые ноги. Я легла на плиту, закрыла глаза, и попросила разбудить меня, когда планету уничтожат. Сил куда-то идти не было.

Народ не на шутку перепугался таким поворотом событий, меня растормошили и подробно расспросили про самочувствие. Диагноз был прост — тепловой удар. Видимо я схватила его еще в Ростове, когда мы топали с трассы в город, а банданки у меня не было. Я, не без помощи, дошла до конца пляжа, где начиналась дорожка, куда подали машину — шикарный 412 Москвич с неоновой подсветкой и тонированными стеклами. Меня отвезли домой, разложили мне диван в той комнате, где был квартирник. А потом Женья предложил тем, кто не успел уйти домой, остаться у них. Все либо жили недалеко, либо попросились в этот самый неоновый Москвич, остались только два мальчика-эмо.

Была ночь, и в кране появилась вода. Вода была и горячая тоже, но я никогда не думала, что буду с таким удовольствием мыться в холодной воде. И в течение всей ночи я несколько раз вставала, чтобы дотопать до ванной и сунуть большую голову под холодную воду. И каждый раз я, завернутая в простыню, на манер римской тоги, чувствовала на себе два взгляда мальчиков-эмо, которых уложили на диване в коридоре. Они всю ночь внимательно за мной следили. А утром исчезли, и больше их никто не видел.

9 августа мы с Аней и Масяней шатались по Таганрогу. В Ростове и Таганроге мне надарили кучу дисков с местными группами, и мы искали для меня дисковый плеер. В Таганроге с ними оказалась напряженка. Мы нашли какие-то сраные Панасоники обойдя 10 или 12 магазинов, я заявила, что такое покупать не буду, и мы поchapали по местным рынкам, секундам, и прочим прекрасным местам, копать в тряпках. Теперь у меня была чудесная панамка, почти как у котенка с улицы Лизюкова, только не розовая, а бежевая. Анька предложила раскрасить ее фломастером, но я отказалась. А потом мы подумали, что хотим позвонить Ване. Ваня — лидер группы «Проповедник», местный герой рокнролла, и покоритель женских сердец, с которым мы познакомились пару лет назад во время его гастролей в Москве. Гастроли были успешными, а организация так себе, по этому его тогда вписали ко мне на Курскую. Честно говоря, на особый успех мы не рассчитывали, но Ваня таки себя явил. В итоге, картина: Анькина комната в общежитии, Масяня пьет чай с булкой, Аня нарезает для меня болванки, я превращаю любимые реперские штаны в любимые реперские шорты посредством тупых ножниц. И все эти прекрасные

дела у нас получаются из рук вон плохо, по тому, что посреди комнаты, на единственном стуле, сидит Ваня, и поет нам свои песни.

Итак, 30 минут до автобуса, я спешно запихиваю в бэг разбросанные шмотки, а Ванька предлагает посмотреть на море.

- Вань, какое море! Помоги рюкзак до автобуса донести
- Я на машине, успеем на море посмотреть
- Вань, я на вокзал хочу!
- Хорошо, хорошо, рюкзак в багажник давай...

Страшная зверь-машина «шестерка» поворачивает куда-то в совершенно не нужную нам сторону и набирает скорость. Я молчу только по тому, что приучена не говорить под руки водителю, борюсь с желанием убить Ваньку нахрен. Двадцать минут до автобуса... Деятнадцать минут до автобуса... Ванька нажимает кнопку на кассетной магнитоле, и салон наполняется голосом Кинчева «На пороге неба». Много-много разных мелочей, как бусинки, нанизываются на нитку, и ты вдруг в одно мгновение узнаешь узор цветной феньки-лета. Дух захватывает, когда мы выезжаем к Таганрогскому заливу. Под серо-синими тучами зеленые волны... на пороге неба. У этого ряда бусинок цвет моря и неба, голос Кинчева, и Ванькина улыбка.

Медленно карабкаясь по горному серпантину автобус пробирался в Геленджик. Как хорошо, что в 4 утра все еще спали, и никто не видел моей, прилипшей к стеклу, восторженно-дибильной физиономии. Оно черное! На самом деле черное, там вдалеке! Как будто темно-синее стекло налито в глубокое черное блюдо. А на его краю, на прибрежных скалах, раскинулся огромный порт Новороссийск. Море, скалы, бетонные ежи под ними, узкие полоски пляжей, плечи подъемных кранов, плотины и дамбы, и ярко-желтое солнце, поднимающееся от горизонта. И памятники героям Великой Отечественной.

*“А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
И падал вниз, но был спасен,
А вот теперь наверно он
Свой автомат готовит к бою...”
В. Высоцкий*

Вытряхиваясь из автобуса, я разговорилась с ребятами, которые ехали до Дивноморска, а так как мне в Таганроге посоветовали ехать именно туда, я решила, что это очередной пинок судьбы, и присоединилась к ним. Оказавшись на улице крошечного, но очень людного Дивноморска, я поймала прохожего, и спросила, не мудрствуя лукаво, где собственно, море? Мне махнули рукой, и сказали что море “там”. И я пошла к морю.

Между городским пляжем Дивноморска и пляжем базы Газпрома, находится еще один, заброшенный. Там совсем мелко, камни и крабики, и даже немного песка. Это пляж какой-то заброшенной базы отдыха. Заколоченные двухэтажные коттеджи и хвойные рощи, под которыми примостились палатки отдыхающих. Я провела там 10 дней. 10 дней абсолютного непонятно чего. В кемпинге были в основном москвичи, которые меня считали сыном полка, и кормили как на убой. Люди приезжали либо парами, либо целыми семьями. Цены на частное жилье были космические, на гостиницы и пансионаты — еще больше. Почти все удобные подходы к морю либо огорожены, либо уже застроены. Нужно было найти любую охраняемую территорию рядом с морем, дать сторожу 70 рублей в сутки с палатки, 50 с человека в ней, и еще сколько-то с припаркованной рядом машины, чтобы иметь возможность отдохнуть дикарями. Сторож был дядька мировой: чужих гонял, а своих угощал пойманной рыбой и крабами, когда они с женой приходили к нам слушать песни. Наша стоянка выходила одним боком на забор базы отдыха того самого таганрогского «радика», в котором учились все мои таганрогские ребята. В заборе, как водится, была дырка, в которую мы лазили и, прячась от бабушек-вахтерш, бегали в цивильный душ по вечерам. А еще там были теннисные столы, и я повадилась играть с ребятами в настольный теннис. Через пару дней я настолько примелькалась бабушкам-вахтершам, что они меня не гоняли, хотя и видели, что я к ним прихожу через дырку в заборе. А я целыми днями барахталась в море, дрыхла на нагретых бетонных плитах, пела песни, травила байки, слушала байки рыбаков и учила местных 13-ти летних мальчишек играть на гитаре. Всех настолько потрясло, что я пришла одна из Москвы, в их понимании практически пешком... Именно там родилась байка про «волшебного третьего», который все допьет и дохавает. Ничего не происходило, но это было здорово. Наверное, и не стоит об этом подробно рассказывать, пусть останется как есть - море и солнце. А песок там замечательный, фиолетово-розовый. Это обкатанные морем раздробленные ракушки и панцири крабиков. Ты идешь по перламутровой водной пыли. Я думала, так не бывает.

В то утро, когда мне надо было уезжать, я поняла, что схватила еще один тепловой удар. Встаешь, резкая боль шибает в виски, ты падаешь обратно. Не то что рюкзак, собственная голова кажется неподъемной. Кнопки мобильного перед глазами плывут. Завалилась в палатку и проспала еще 2 часа, вроде помогло. К двенадцати часам я более или менее пришла в себя, свернула лагерь, попрощалась со всеми и поехала на автобусе в Геленджик, где меня уже ждали знакомые девчонки, которые гостили там у родственников. Меня хватило на то, чтобы поздороваться с хозяевами, девчонки объяснили ситуацию, и уволокли меня в свою комнату, где уложили на раскладушку, и я вырубилась еще на 2 часа.

Проснувшись, и приведя себя в порядок, я вышла на лестницу и осмотрелась. Дом как раз достраивали до трех этажей, ибо летом недвижимость там становится золотой. Домов во дворе было два, и они были опутаны внешним железными лестницами, с перилами и навесами, которые, в свою очередь, были так густо увиты виноградом, что образовывали плотные коридоры. И весь двор был в этих коридорах, по которым ходили люди, и прямо с потолка свешивались гроздья винограда. Его можно было сорвать и съесть! Пожалуй, этот виноград на меня произвел даже большее впечатление, чем козел, пасшийся посреди Таганрога.

На уровне второго этажа была площадка-веранда, к ней вела такая же железно-виноградная лесенка с перилами. На этой веранде нам накрыли обед — холодная окрошка на молочной сыворотке. Это было как раз то, что было нужно моей перегретой башке. Я рассказывала ребятам про отдых в Дивноморске, и про свои планы на обратную дорогу.

Мы немного прогулялись по Геленджику в сторону автостанции, где мальчишки договорились с водителем, и посадили меня в формально переполненный автобус до Ростова. С билетами в конце сезона тут совсем беда. Мы простились, я поблагодарила их за гостеприимство, и села в автобус, отдав водиле последний пятихатник. Вот это было действительно страшно, хотя, я уже знала, что есть еще и трасса.

Я попросила водителя посадить меня на М4, до въезда в Ростов, но он меня отговорил: “Кому ты нужна на трассе в 5 утра, пересидишь на вокзале, потом поедешь”. Не знаю, наверное, зря я его послушала. В Ростов автобус пришел не в 6 утра, а в 3 часа ночи, а это очень большое искушение вписаться к знакомым. Деньги на мобиле заканчиваются, у меня башка плывет, я отправляю несколько СМСок, ответ приходит

только на одну. Мне надо попасть на какое-то загадочное “кольцо Королева-Вавилова” и ждать на остановке, меня встретят. 4 часа утра. Ситистоп от автовокзала в Ростове на другой конец города. Смешно? Мне было не очень. Это кольцо оказалось такой жопой, что туда даже прямые маршрутки не ходят. Я добралась до него только в 6 утра, чтобы отправить на последние деньги СМСку, и не получить на нее ответ. Меня не встретили, скорей всего парень просто заснул.

Знаете, есть такой момент, когда ты понимаешь, что тебе очень плохо, но другого выбора у тебя нет. И тогда что-то в голове щелкает, и больше не хочется спать, и головная боль отступает, и рюкзак не кажется таким тяжелым. Я вышла на это самое “кольцо Королева-Вавилова” и подняла руку. Я не простояла и 2-х минут, меня подобрала грузовая “газель”. И тогда выяснилось, что я стою на объездной М4, которую так сложно найти в городе. Я до сих пор не знаю, заснул тогда тот парень, или просто послал меня на... трассу.

Газель свернула на Миллерово, высадив меня на повороте, я поняла, что жизнь почти совсем прекрасна, но вот чего-то не хватает, и побрела в лесополосу. Больше всего на свете в этот момент я мечтала попасть в душ. А у меня с собой как раз была бутылка с водой. Я нашла деревце с V-образно расходящимися ветками, примотала к ним бутылку, и счастье стало абсолютным. Вот это просто замечательная тема: идя по трассе, искупаться, почистить зубы, переодеться и выползти на стоп абсолютно счастливой! Моя оранжевая майка и лыба до ушей добавляли позитива всей трассе - дети махали мне из машин, водилы подмигивали, дачники выворачивали шею.

Неопытного стопщика видно сразу — я стояла на подъеме. На третий раз я поняла, что именно мне говорят водители грузовиков, когда машут ладонью от себя. Не успела я подняться на пригорок, как остановился огромный белый грузовик DAF. Я на секунду застыла в изумлении. Первый раз я видела такую машину вблизи. В голове промелькнула трусливая мысль: «Лезть высоко, а вдруг не заберусь?». Протормозив буквально секунд 5, и сказав самой себе «Дура!» я, подхватив рюкзак и гитару, полезла открывать дверь, еще не зная, что на ближайшие 3 года эти грузовики станут моим основным средством передвижения.

Водителя звали Руслан. Он никогда раньше стопщиков не подбирал. Я рассказывала ему про неформальное движение и его атрибуты: про автостоп, про музыкантов, про квартирники, про вписки, про фестивали. Еще про маму с братом рассказывала. Он рассказывал мне про свою

семью. Мы остановились под Воронежем, где трасса была проложена через заброшенные яблоневые сады, и насобирали разных яблок. Дорога бежала весело. Все-таки в этой поездке мне поразительно везло на людей. Руслан хотел сегодня ночью въехать в Москву, а я обещала заехать в Липецк, отдать Рокси рюкзак. До Рокси не дозвонилась, дозвонилась до Светки, от которой услышала: «Ты что, с ума сошла, у тебя здесь квартирник завтра!». Мне прям стыдно стало за собственный квартирник. Пришлось прощаться. Руслан свернул на Липецк, остановил по рации следующую фуру, и пересадил меня в нее. Я ему оставила телефон, и пригласила на концерт 9-го. Позже мы созванивались пару раз, его дочка приходила на концерт в Москве.

*Отсюда и здесь замыкается круг,
Белый DAF Мострансхолд уходит на юг,
А я возвращаюсь к истокам.
И снова две фуры сигналият при встрече,
Кого мы любили — с нами навечно,
И Бог улыбается искренне, честно.
Вот истинный смысл автостопа.*

4.

Я очень люблю Липецк. Сами жители скромно говорят, что смотреть там на что, но люди, ребята, которые меня встречают, заслуживают любви к себе и к своему дому. На подъезде к Липецку я перебралась из фуры в шестерку. У дяденьки, который довозил меня до автовокзала, дочка в переходе играет. Поэтому, если вы встретите в Липецке, в переходе, высокую светлую Машу, передавайте привет, у нее замечательный папа.

До липецкого автовокзала я добралась на час раньше назначенного времени, но там меня уже каким-то чудом встречали. Мы потом считали-считали, но так и не поняли, как время так сложилось. Пампа, почти герой мельничных «Дверей Тамерлана», юноша с внешностью монгола, как ее показывают в голливудских фильмах: черные волосы до плеч, смуглая кожа, раскосые глаза, очаровательная улыбка.

На следующий день был квартирник в квартире у Пампы, и после него я узнала, что ребята записали меня на томографию. А так, как в Липецке это стоит в три раза дешевле, чем в Москве, денег за квартирник мне на нее как раз хватит. Видимо, моя тихая истерика, после предыдущего квартирника, выглядела куда более впечатляюще, чем я себе представляла.

Все, что отпустило меня на море, накатило снова, и всю ночь я бродила по пустой скэмосвской квартире и смотрела в окна на строящийся вокруг микрорайон.

Была рабочая неделя, и почти все разползлись по работам. Пампа выдал мне ключ от квартиры, за мной зашла Ворона, и мы поехали в больницу.

Я вышла из дверей диагностического центра, села на ступеньку и попросила сигарету. Вообще-то я не курю. Но вот в этот момент захотелось. У меня на коленях лежала папка с моими снимками и заключением: мозги, конечно, набекрень, но ничего лишнего в них не произрастает. Диагноз «аденома гипофиза» - ошибочен.

Бывает такое состояние, когда тебя отпускает то, что тянуло последнее время. Об этом можно было забыть и не думать, но только когда отпустит окончательно, понимаешь, насколько это было на самом деле тяжело. Сидишь на ступеньках, тебя все обходят. И нет сил шевелиться, просто сидишь и понимаешь, каким же на самом деле кошмаром были последние пять месяцев, когда ты раскрашивал свой мир в самые яркие краски, ловил каждое впечатление, каждое событие, каждый разговор — как последний. И вот ты понимаешь, что у тебя есть время на то, чтобы дописать каждый брошенный стих, и записывать то, что хочешь, а не голимую акустику вперемешку, только для того, чтобы хоть что-то успеть, и что есть время доделать каждый соляк к каждой песне, и, возможно, твоя лучшая песня еще не написана, и что будет еще много-много всего, много городов, трасс, людей... Липецк. Главное уехать, пока не попросили остаться. Или пока сам не понял, что не попросят.

*“Город-Храм все же есть,
И сегодня он здесь,
Посмотри, он стоит от порога
До самых небес!”*

Эпилог

Из-за того, что просидели в больнице, я не успела уехать в Тулу, на местный рок-фестиваль. И слава Богу. По тому что, как выяснилось в процессе, меня вместо фиксированного расписания сослали в «свободный микрофон». Меня - конопляного муравья! Ну и пошли они в жопу. В сентябре в Тулу не поеду, наказана.

Выкатывалась из Липецка я утром 28 августа. Провожали меня четверо мальчишек: Пампа с друзьями. Вывели на край географии, как потом признались: “Оглянулись, тебя уже нет”.

Замечательный дяденька Юра на Лексусе отвез меня в Задонский женский монастырь, набрать святой воды. Я такие вещи люблю, поэтому, с тоской вспомнив как “забыла” половину своих шмоток у Пампы, чтобы разгрузить бэг, запихала в карманы две полуторалитровые бутылки с водой. Потом Юра провез меня через Елец, показал все самые красивые церкви, и попрощались мы на выезде из города. Потом была Газелька, а до Москвы я добралась на цементовозе.

Шлепая по метро, я вспоминала, как уезжала из города, не особо надеясь вернуться, тем более, вернуться успокоившись. А, к лешему все. Единственное что хочется еще вспомнить, так это то, что моя китайская фанерная гитара, купленная 5 лет назад, переделанная Юркой Андрианкиным, прошла со мной весь путь, длинной почти в 4 тысячи километров. И я передумала покупать новую.

*“Озорница-певунья моя, умница-крестница
Я не жилец в этом доме, но ты моя лестница*

*Ты шлюха вокзальная, святая кормилица
Живая вода, беспощадная виселица
Ста ртами заплевана, роза пурпурная
Не ты ль родила меня, мать шестиструнная*

*Я только с тобой еще что-то, да значу
Дешевый подарок, дорогая подачка
На струнах подвешенный, на грифе распятый
С тобою меняю я свой третий десяток”
А Васильев.*

Чтобы зима была пушистой.

Как то раз играла я квартирник в Липецке. Собственно, это был мой первый липецкий квартирник, и город еще не успел поселиться в сердце.

Так вот - был на квартирнике один парнишка, который все не унимался и доставал меня вопросами между песнями. И вот такое он однажды спросил: «А почему у тебя вот в песнях белые волки, а не белые, скажем, жирафы?» А я ответила: «Хорошо, я напишу про белых жирафов».

Это было в 2006 году. Я подумала, что свои обещания все-таки надо выполнять, хоть и несколько запоздало.

Фантик, это тебе. Письмо в любимый город.

*Зима укроет город белым шарфом,
А в форточки второго этажа
Заглядывают белые жирафы.
И снег на старых рамах ворошат.*

*И я не удивлен, и не испуган,
И все идет как должно, за окном
Такие надоевшие мне люди
Живут в снегу о чем-то о своем.*

*Но смотрят в мои окна неустанно,
Задумчивость на мордах сохраняя,
И я, видать, для них такой же странный,
Как и они, для странного меня.*

*А утром, к подоконнику, без тапок,
Прошлепав, я подумаю о том,
Как хорошо, что белые жирафы
Пасутся на газоне под окном.*

14.11.2007

Гастроли по-украински

(24 ноября - 9 декабря 2007г.)

Пролог. Письмо с исторической Родины

Харьковская таможня не могла ко мне не прицепиться. Когда они ввалились в нашу плацкартную ячейку, на столе лежала советского оформления книга Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», а сверху мой Российский паспорт в потрепанной красной обложке с советским гербом. Это было прекрасным оформлением к партии в 100 дисков, которые по каким-то новым законам нельзя ввозить на Украину.

В общем, я патриотично на них наорала, и они диски пропустили, правда заставили заполнить какую-то декларацию.

Харьковская квартира, состоящая из 2-х комнат, разделенных стеклянной дверью, сотрясалась от хохота 4 мужиков, которые разлеглись на полу в гостиной, и изо всех сил старались меня не разбудить. Мои вопли «Казлы, заткнитесь!» видимо воспринимались как каменты полные восторга от их плоских шуток, и встречались новым взрывом хохота. В общем люди позитивные, но поспать не вышло.

В Донецкой общаге была обнаружена очередная реинкарнация поручика Ржевского - пьяное тело шаталось по коридорам, развивая при этом нехилую скорость, и орало «Мадам! Вашу ручку!». Так как в ту комнату, которую мне предложили, это тело имело доступ, я вписалась в соседнюю, по моему, до смерти перепугав проживающего на соседней койке, застенчивого мальчика. В общем, особого выбора у него не было, я нагло вписалась на соседнюю пустую койку, и тут же заснула, укрывшись покрывалом.

Мой украинский представитель сегодня полдня вел переговоры сначала с каким-то очередным концертным залом, потом с местными панками, чтоб они распространяли мои листовки (интересно, они мою кандидатуру еще не догадались на выборы выставить?), пообещал каждому по автографу.

Пришел пьян, как фортепьян, был отчитан и запихан в ванную. Дрыхнет на полу перед дверью, не могу выйти из комнаты.

В колонках играет блюз пера моего гитариста, я пишу посты в ЖЖ из-под хозяйского диалапа. За окном город Славянск, темный и холодный, но не лишенный южного уюта и северного ветра.

Да, про концерты. Ну что тут сказать, пожалуй, это успех. 5-го декабря будет дополнительный концерт в Харькове, завтра вывешу рекламу. Так что возвращение отодвигается, видимо на 7-8 декабря.

За сим прощаюсь, не скучайте, я вернусь. Честное кошацьє.

(опубликовано 28.11.2007)

Я пишу первую строчку рассказа о поездке на Украину, и уже сейчас знаю, что он получится очень личным и постороннему человеку неинтересным. А еще - очень хрупким. По тому, что я-то знаю, что чувства на самом деле очень хрупки и субъективны. Воздушные замки не выдерживают северного ветра. Впрочем, это я о чужих чувствах. Мои - со мной годами. Я помню всех, кто был мне дорог. Я и сейчас могу написать СМСку с вопросом "как дела", и мне это будет искренне интересно. По тому, что так устроено мое сердце. Вечное доказательство существования вечной любви. Ко всему миру. И, если этому миру больше не на ком держаться, он будет держаться на мне.

В вагоне выключили свет. В тамбуре читать было холодно. Я села на мусорный контейнер возле туалета, но через полчаса свет выключили и там. Оставалось смотреть на куцый снежок за окном, и на свое отражение. Это когда вся мировая несправедливость скапливается в одной точке. Очень красивая девушка по ту сторону стекла, но - только для меня. Я могу написать для нее свои самые лучшие стихи, но не могу показать ее саму, почему-то никто не видит. Но она всегда смотрит на меня из стекла. Я люблю ее, но она все равно очень грустная. Когда мы по разные стороны стекла - нам никто больше не нужен. Но стоит оторвать взгляд, и это снова просто я.

Дверь хлопает, какие-то ребята идут курить, знакомимся, вытаскиваем гитару, играем в тамбуре, пьем водку. Пять концертов, предоплата получена, пути назад нет и не хочется. Наконец нормальная работа, "день-концерт", падать на незнакомую койку без задних ног, утром в транспорт, в другой город, бухой звуач, свет в морду, "кайф" из зала в дюжину голосов...

*И кто-то говорит мне, что я дьявол,
Кто-то говорит что я пророк,
Я не собираюсь спорить с вами,
Я просто играю рок
Илья Черт*

Примерно такими мыслями, подругань с украинскими таможенниками, я въезжала в Странную Страну. Женщины на улицах пока еще красивее, чем на плакатах. Смешные цены на такси. Серое небо над серым полисом. Сталинская архитектура как останки погибшей цивилизации. Наверное,

так же выглядела бы Империя, если бы развивалась по Европейскому сценарию - тысяча княжеств на трех гектарах. Впрочем, это не мое дело. Мое дело качать зал.

Клуб был аутентичен до боли в висках. Рок середины 90-х, казалось сейчас из-за кулис выйдет молодая Умка. Вышла молодая Мельница. Наверное, такими они были году в 98-99м. Эти люди живут так годами. Зачем я здесь? Почти краем глаза: на меня смотрят как на женщину. Это не странно, на меня так всегда смотрят первые два-три дня общения. Потом привыкнут к моему мату, командному тону и ритму жизни. А пока интересно. Нет, пожалуй, я даже нравлюсь вот этой кучке подростков. Какое забытое ощущение, приятно, черт возьми. Нехорошо пользоваться ситуацией, впрочем, я давно себе ничего такого не позволяла, а на мне уже чужая куртка. Выбор - оценить звук в зале, или постоять еще немного на улице с мальчишкой, купаясь в восхищенном взгляде. Конечно музыка, давно уже музыка - пошли в клуб, малыш.

А клуб выжимает все до точки. Зал - мой, но во мне пустота. Вам нравятся мои песни? Еще бы, для этого я дарю вам мою душу. Господи, где же я ее возьму столько, это ведь только первый концерт. Эта земля не питает, я здесь чужая. Потом, по скользкому тротуару, в квартиру, которую завтра забудешь, веселье и смех, душная комната без окна, отдельная, смех за стеной - ребятам все еще весело, будильник на 4 часа утра, и 9 грамм одиночества растворяются и вдыхаются с воздухом. Здесь нет ни одного моего слова. Как будто кто-то смоделировал планету и переселил меня туда, в надежде, что я не замечу. И ангела моего здесь нет. И стихов нет. И меня самой как будто нет. Я боюсь смотреть в зеркало, по тому, что ее там не будет. Я не хочу знать. Я не хочу здесь. Майка, джинсы и кроссовки, притворить дверь, вылететь на площадь, испугаться, уйти в тень, нырнуть во двор. Горка, качели и песочница. И скамейка со спинкой. С мокрой спинкой. Идет дождь. Мелкий. Со снегом. Но если задрать голову и откинуться, можно сказать что я не плачу. Рок-звезды не плачут. Мне просто надо подумать, чтобы потом писать стихи, вы ведь за них меня так любите?

Какая трогательная картина: один в джинсах и ботинках, но без футболки, один в ботинках и плаще, но без джинсов. "Ну Кошка, ну ты чего? Мы тебя по всей улице ищем" Ути зайки какие. Ну как с ними не смеяться? Возвращаемся в квартиру, а там опять все ржут, спать не дают. Смейтесь, смейтесь, пожалуйста, я не хочу оставаться наедине с собой. Все мои сущности остались на границе, я здесь совсем одна.

Прошу зажечь мне колонку, иду мыться. Вообще на гастролях лучше мыться при каждой возможности, по тому, что никогда не знаешь, что будет на следующий день.

Такси приезжает в 4:30, короткие сборы и вокзал. Прощай Харьков, иди к черту. Да еще и организатор этот меня сопровождает на всем пути по Украине. И неизвестно, что хуже - этот олух или эта страна. Я знаю, что я не права. Я здесь всегда буду неправа. Я хочу домой, в Россию. Даже в Воронеж хочу. Даже ночью зимой на трассу. Нет ничего более глупого, чем ностальгическая ломка через сутки на Украине.

В Донецке меня вписали в самую "демократичную" общагу. Как выразился хозяин комнаты: "Здесь можно курить в комнате и срать в коридоре". И эти чертовы украинские мужчины, которым я действительно в большинстве случаев нравлюсь. В воскресенье вечером на этаже, где одни пьяны хлопцы, меня это совершенно не радовало. Я вписалась, похоже, в самую козырную комнату, к самому скромному и пугливому мальчику. Мальчик смотрел по сетке Камедиклаб и боялся лишний раз пошевелиться на соседней койке. Утром он разбудил меня, чтобы я закрыла за ним дверь. Я в полусне закрыла и легла обратно спать. В дверь стучали, но я пряталась под подушку. Мне не хотелось открывать глаза и тем более выглядывать в коридор. Я вообще надеялась проснуться в Москве, в своей квартире, согнать с головы кошку Марыську, отыскать ногой под диваном тапки, взять полотенце, и пойти выкуривать братца из ванной.

Автобус до Славянска пугал и радовал. Я надеялась, что хуже не будет, но понимала, что в принципе все может быть намного хуже. Районная трасса удивила - очень зажиточные дома, опрятные ограды и улицы и отвратительное дорожное полотно. Знаки на украинском, странная разметка на поворотах. Другая планета? Нет, наверное, так было бы, если бы Гитлера в свое время не выгнали обратно в Германию. А по сути - просто Европа. Такой вот вариант Русской Европы. Украина. Станный вкус у слова. К нему надо привыкать. Это построено на обломках Империи. Она жива, но здесь только ее могильные камни и сломанные копы.

Пока идем от автовокзала до квартиры, разговариваюсь наконец со своим украинским представителем. Дима. Ну, Дима так Дима. Господи, 19 лет ребенку, чего я от него хочу? Извиняется за общагу, клянется, что это были два самых слабо подготовленных концерта. Зря, по тому, что самими концертами я как раз довольна на 200 процентов. Да, реклама слабовата, но клубы и в Харькове и в Донецке прониклись музыкой и

платят большие проценты, чем обещали. Вообще при полном провале бытовой организации, клубы там замечательные каждый по-своему. Харьковский Music People Club рок-н-роллен до последнего кирпича в своих ободранных стенах. Да, это рок, которого я уже не застала в Москве, и не видела почти нигде в России. Директор у них кайфовый. Вязаная шапочка, олимпийка и баттл пива в руках. Кажется, еще два часа назад он бухал с Майком в питерской подворотне, ехал в электричке с Ерофеевым. Я, не стеснясь, травила со сцены какие-то байки про автостоп, общалась с ребятами в зале.

Донецкий BAR Gung_Ю_bazz меня удивил: по сути своей это клуб ресторанный типа. Но очень теплое отношение к музыкантам. И вообще играть было приятно - за первый столик сели двое ребят, которые очень внимательно слушали. Подкупило то, что периодически выцепляла глазами официантов, которые сидели за стойкой и слушали концерт.

Забегая вперед, я, со своей стороны, выкладываюсь по полной на всех украинских концертах, кроме последнего, дополнительного, который пела уже с обострением фарингита. Сейчас уже понимаю - просто нервы сдали, организм не выдержал напряжения. Публика на Украине очень хорошая, слушают жадно, чувствуется отдача.

Я попала в Димкину квартиру в Славянске, как в филиал рая на земле. Димкина мама выдала мне оранжевое полотенце в цветочек, махровый халат ядовито-зеленого цвета и безапелляционным тоном сказала "Ванная - там". Меня такой расклад более чем устраивал. Димка возбуждал что-то типа "Ну мам, ну я же панк!" Детский сад, прям как домой попала. "Кто постирал мою маечку с Егором Летовым?!!!" - эту эпохальную фразу выдал мой братец лет в 16.

Буквально через час, сытая, вымытая, довольная и изрядно обнаглевшая, я высказывала Диме все, что я думаю про его Харьковскую тусовку, про то, что меня надо было предупредить о правилах ввоза дисков, что музыканту иногда надо спать после концерта, что общага в Донецке даже комментариев не требует, и вообще к его черному пальто не идет этот дурацкий рюкзачок с анархией, и судя по фоткам, ему без бороды будет лучше, я требую интернета, мне нужен магазин, а лучше секонд-хенд, и т.д. Причем, я прекрасно понимала, что все обвинения притянуты за уши, и разбиваются об его виноватую физиономию. Что все это время мне не хватало самого обычного уюта. Или лета. Или кого-то рядом. Рискну выдвинуть теорию, что у русского человека мозги съезжают, когда он въезжает на Украину: с обыском на таможне, с другими флагами,

с другими деньгами. Сложно осознать, что то, что он видит ту же самую землю, не обязывает ее быть Родиной. Это как предъявлять претензии человеку, которого любишь безответно. Сам любишь — сам и расхлебывай.

2.

Я спала на Димкином диване, Димка - на полу перед диваном. Вернее, я не могла заснуть, а Димка посапывал себе спокойно. Я вышла на балкон, притворила за собой дверь, открыла раму застекленной панели, и смотрела на кусочек Славянска. Эти два дома еще многоквартирные, а вот начинается частный сектор. Все эти ребята, те с кем я общалась в Харькове и Донецке, Димкины друзья, одноклассники, сватья, братья... Это хорошо когда у человека есть друзья. Все они из Славянска. Его родители русские, а сам он едва ли не украинский националист. Но ко мне вроде бы спокойно относится, хоть я и высказываюсь иногда матом об украинской таможне, будь она неладна.

На перекрестке еще работал светофор, хотя было уже достаточно поздно. Улицы пусты, как будто на самом деле все уже умерли, а светофор забыли отключить. Нет, шорох шин. Такси начинает тормозить, включает поворотник, останавливается на светофоре, на совершенно пустой улице в маленьком городе Донецкой области. Так мы все и стоим - я на балконе, такси на светофоре. Загорается зеленый, такси сворачивает и уезжает. Не могу сдержать улыбку. Щелкает замок:

- Ты чего не спишь?
- Я тебя разбудила, извини.
- Не, я курить.

Курит. Лохматый, волосы кудрявые, как у меня, только неухоженные, торчат в разные стороны. На шее значок анархии на цепочке, вместо крестика. Борода лишняя, дождю, чтоб побрился...

- Иди спать, заморожу артиста, меня публика порвет.
- Я нормально, иди, я еще постою немного и пойду.

Уходит, копошится на полу в комнате, заворачивается в одеяло. Я вдруг понимаю, что передо мной шикарный сектор обстрела, а я видела духовушку у Димки на полке. А еще - что я, в этом кислотном халате, отличная мишень для всех соседних балконов. В этот же момент с балкона сверху падает сигарета. И еще одна с балкона рядом. К горлу подкатывает

паника. Стоп. Это уже шиза. Нарочито спокойным движением закрываю створки, медленно захожу в комнату, забираюсь под одеяло.

- Диим...

Рассказываю чего видела. Какие-то неубедительные объяснения. Страшно. Засыпаю. Не выходила из Славянской квартиры почти трое суток. Напряжение сменилось апатией. Димка куда-то бегал, вел какие-то переговоры, возвращался пьяный, потом мы долго разговаривали, днем я дрыхла, вечерами сидела в инете, и так по кругу. Не страшно. Передышка. Когда играешь концерты каждый день, день перерыва воспринимается как курорт. А тут - почти неделя. Арефьева из колонок. А еще Димка меня постоянно чем-то кормил, видимо, чтобы я через неделю вообще из дому выйти не могла.

Но я все-таки вытащила его в город - руки чесались спустить деньги, заработанные на дисках, тем более что я вещей с собой взяла по минимуму, а выстиранные по приезду сохли почти трое суток. Затащила Димку в какой-то магазин джинсовый, купила себе новые джинсы, потом потащила в секонд. На хождение по секондам меня когда-то посадил мой друг Дани. Философия такова - шопинг как самоцель меня не интересует, к шмоткам я тоже достаточно равнодушна. А если нужны вещи, у которых есть все шансы полететь в помойку, если они не влезут в сумку, то секонд лучший выход.

Картина маслом по сыру:

- Смотри! Мне идет?
- Ну Кошка, ну я ж ничего в этом не понимаю.
- Блин, значит не идет...
- Я не говорю что не идет, просто я не понимаю, идет или нет.
- А нахрен ты тогда тут нужен?
- Ну, я пошел курить...
- Стой! А кто за мной будет всю эту кучу таскать?
- Ага, значит, кучу таскать - нужен!
- Ты же должен видеть что красиво, а что нет?
- Зачем? Как раз, значит сгодится.
- Поэтому ты и одет как чучело
- Я не чучело, я панк.

- И этот человек делает мои гастролы... поэтому такие гастролы хреновые! Я тебе эту общагу с тараканами в гробу вспоминать буду.

- Ну мааам, ну я же панк.

Концерт в Краматорске был зачотен и шумен. Все бегали, суетились, создавали атмосферу эдакой провинциальной помпезности. Краматорск находится в нескольких километрах от Славянска, и за нами выслали машину. Как раз к концу недели начали съезжаться все Димкины славянские товарищи, которых я встречала неделю назад. Приехал второй Дима, у которого мы вписывались в Харькове, с ним вместе мы и поехали на концерт. Клуб был странной планировки, публика располагалась буквой Г, а сцена - на ее изломе. Таким образом, чтобы стоять в полоборота к публике, приходилось смотреть прямо в столб, в котором был установлен аквариум с рыбами. Рыбы очень внимательно слушали. За этими рыбами прыгали эти чертовы двое Димок, и строили мне рожи через аквариум. В общем, было весело. Обратно нас подбросил кто-то из очередных Димкиных товарищей. Блин, у меня такое ощущение, что его знает весь город! Я ныла, что у меня болит ухо, голова, рука, гитара, что я устала, меня надо срочно завернуть в одеяло и оставить в тихом темном месте до полного прорастания. Димка доставил меня до квартиры, его мама выдала мне синюю лампу - ухо греть, и я легла спать, а Димка слился на этаж ниже, к Диме второму, культурно посидеть, то есть водку пить. Кто б сомневался.

На следующий день был квартирник в самом Славянске. Вообще-то Димка почти всю неделю вел какие-то архиважные переговоры, с которых возвращался настолько великолепным, что я запихивала его в душ, подло рассчитывая на то, что напора не хватит на включение нагревателя. Расчет всегда оправдывался, Димка выползал из душа протрезвевший, замерзший и обиженный на весь свет, причитая что-то о том, что панков нельзя так часто мыть. Переговоры были направлены на выбивание зала городской библиотеки, и на привлечение к нему публики. Переговоры сорвались в последний момент, и мы вернулись к варианту квартирника.

Квартира принадлежала еще одному Димкиному товарищу. Забавный парень - очень быстро говорит, очень убедительно доказывает свою точку зрения, даже если его никто не слушает. Так как в его квартиру мы переместились в последний момент, мы невольно пересеклись с его собственным новосельем в этой квартире. То есть картина была такова: приходят какие-то реальные пацаны из города Славянска, на новоселье к своему другу... а там какие-то волосатые буянят. После квартирника

хозяин, с обреченным видом, спросил нас: "Ребят, у нас тут типа банкет, останетесь?" На что наша дружная шобла нагло ответила: "Конечно останемся, спасибо за приглашение!"

К этому времени в Славянск из Харькова подтянулись все участники Харьковского дестроя. Те мальчишки, у которых я вписывалась в Харькове, там учатся, а родом из Славянска. Например, Федя учится в украинском эквиваленте академии МВД, и выглядит как настоящий хомоментус - невысокий, мускулистый, русоволосый, с веснушками, улыбчивый и немного тормозящий, кажется простым как пять копеек. Когда переодевается из формы в кожаный плащ - натуральный браток. Это они с Димкой искали меня по городу Харькову, пока я мирно сидела во дворе их же дома. Еще от нашей компании был Дима-второй - высокий, статный, русые волосы до плеч, немного детские черты лица. А еще он очень красиво поет высоким чистым голосом - кавайное создание. Еще был местный панк Чиж. Так вот, вся наша компания решила, что раз уж пригласили, надо устроить праздник жизни себе, хозяевам, их гостям, соседям, а заодно и районным ментам. Девушка хозяина сначала пыталась убедить нас не буянить, потом просто плюнула. Кто бывал в небольших городках поймет прикол: сидим, поем обсуждаем творчество Саши Чернецкого, а тусовка местных гопников бежит нервно курить на кухню, потом осторожно прощается и уходит. Мы буяним еще какое-то время, потом вызываем такси и сваливаем. Так никто в ментовке и не ночевал, даже обидно, мы так старались.

Весь следующий день протусовались у Олега. Олег — настоящий «пятый элемент», мозг и душа этой организационной авантюры. Он же обеспечивал весь украинский тур рекламой - рисовал листовки, распространял информацию, договаривался с прессой. За пределами квартиры Олег бывает не часто — советские панельные дома не оборудованы пандусами для инвалидов колясок. Но, весь украинский сектор интернета просто кишел моими баннерами — Олег и его сестра, Юля, постарались на славу. Я пожалела, что мы не зашли к ним в первый же день моего приезда в Славянск. С ними очень спокойно и интересно. Дима-второй все проспал и не пришел, а я, Димка и Федя тусили у Юли и Олега почти до самого нашего поезда в Киев. Что-то орали, пели, Федя пугал их кошку Кети, Димка пел матерные песни и прыгал с гитарой по комнате. Я вспомнила какое-то дикое количество чужих песен, которых не пела очень давно. Даже не хотелось уезжать. Впереди был Киев и дополнительный концерт в Харькове. Опять неизвестно что. Но мне было уже совсем не страшно.

Киев, вокзал, слякоть, очередь на маршрутку. Приезжаем в съемную киевскую квартиру, знакомлюсь с Димкиной сестрой. Концерт вечером. Отоспаться, привести себя в концертный вид, ответить на СМСки киевских друзей и выкатиться в клуб. Была безумно рада видеть киевских друзей и знакомых. Концерт был странный. Я его немного боялась. Слишком высокая сцена, столики стоят прямо перед ней. Договариваюсь со звуком, сажусь на край сцены, микрофон устанавливают на пол в зал. Поднимаю глаза - прямо передо мной зеркало за стойкой бара. Я уже не могу пересестись, она смотрит на меня и улыбается. Я начинаю петь. Странное ощущение - все мои песни становятся похожими на баллады, приобретают повествовательный подтекст. Как будто рассказываешь всю правду, зная, что по ту сторону рамп ты понимаешь до последнего слова, что взгляд, который ты видишь, знает о тебе все. По тому, что это ты сам. Сам себе судья. А зал где-то внизу. Сцена очень высокая.

Было здорово гулять по Киеву с Димкой и его, на этот раз киевскими, друзьями. Просто шататься по ночному городу в снег. На арке дружбы народов, на смотровую съезжаются машины. Даже как-то неудобно было там маячить, но мне очень хотелось посмотреть на Днепр. Минут через 10 рядом возник Димка. С удивлением понимаю, что я ждала его появления. В общем, ничего странного. Поймать такси, и домой, по тому, что через день концерт в Харькове, а я все равно промочила ноги, так что прогулка сворачивается. Дима великолепен, после 14-ти то литров пива. Пришибу алкоголика. Даже в душ запихивать бесполезно - вода горячая в любое время суток. Отрубаюсь с мыслью что заболеваю.

На следующий день шатались по городу, говорили о чем-то, карабкались на какие-то горы с офисными центрами посередине, Димка кормил меня какими-то пирожками местными. Потом полупустой плацкартный вагон, за окнами вечерний Киев, потом ночная Украина. Я пела Медведева, хотя я редко пою в вагонах. Я вообще редко пою просто так. За время украинских гастролей даже поймала себя на мысли, что уже не помню, а иногда и не знаю, песен, которые с удовольствием бы спела прямо сейчас.

Харьков встретил традиционным серым небом и отсутствующим трамваем. Тусили на остановке, Димка начал закидываться пивом. Вообще на пиве надо остановиться поподробнее. Там идет какая-то рекламная компания - под крышками Оболони иногда написано, что ты выиграл еще одну бутылку, 0,5, 1л или 2л. В общем, Димка покупает три поллитровки, выигрывает еще полтора литра в разной таре, под этими

полтора выигрывает еще пол литра, под этой пол литра выигрывает еще два, так и спивается. Короче, трезвым я его вообще не помню.

Возвращаемся в ту самую квартиру, из которой я так стремилась уехать после первого концерта. Нас встречает заспанный Федя, что вообще редко бывает - у них в институте очень строгий режим, и выходные очень редко. Через час возвращается Дима-второй, злой на жизнь и преподав, ругается. В общем, жизнь становится на какие-то привычно-непонятные рельсы. Я снова здесь, вечером концерт. Распаковать пиджак, повесить на спинку стула, отсчитать несколько дисков, достать гитару, проверить строй по ладам... Зачем? Все равно ключа к анкеру с собой нет. Хотя бы буду знать чего от нее ожидать. Ничего паранормального - молодец девочка, сколько со мной отмахала, работает исправно. Такси.

У дверей клуба встречает четвертый мушкетер из Славянска - Ваня. Кажется, меня с ним знакомили в первый концерт. К началу чека становится понятно, что голос мой закончился. Меня отстраивает дочка хозяйки клуба, Агата. Со звуком непонятно что, на сцене вообще жопа, но я слышу только мониторы. Как ни странно, я распелась к середине концерта, но все равно урезала программу вполтину. Пела примерно час десять, против обычных двух с хвостиком. После концерта все опять собрались на съемной квартире, которую я уже стала называть нашей, кажется что-то пели, но я плохо помню, я была совсем мертвая - фарингит, который я вылечила еще в Москве, решил, что он по мне соскучился и вернулся.

Остатки недели я валялась в Харькове. Димка бегал за лекарствами, Ванька заманивал гулять по Харькову, Дима-второй ныл на жизнь, Федя хихикал в тряпочку, и так до конца недели. Я уже разрывалась между необходимостью ехать и желанием остаться. А эти черти еще такие трогательные мордочки сделают, и, как сговорились: "Кошка, не уезжай!" Ну и куда ехать?

Я влетела в поезд за 10 минут до отправления, меня отругали за то, что я пропустила таможенный досмотр, я сделала скорбное выражение лица, и таможенники отвалили, забрав мою миграционную карточку. Села на свое место в плацкартной ячейке, и, вместе со всем вагоном, наблюдала, как эти четверо чертей бесились на перроне с украинским флагом. Периодически кого-то одного поднимали до стекла, и он начинал строить рожицы. Поезд несколько раз трогался и останавливался. Веселье от этого только усиливалось. Наконец, поезд начал набирать ход. Четверо смеющихся мальчишек бежали по перрону, размахивая украинским флагом. Прости меня, Харьков, я была не права.

В поезде в Москву я простудилась окончательно. Собственно, это и дало мне время валяться дома и не упасть сразу в кучу дел, которые, по-хорошему, надо было срочно решать.

В Харькове я решила, что обязательно выберу одну фотку ребят и распечатаю. У меня в столе давно стоит фотка из Коломны. На Украине мне Юля распечатала фотку Липецкой тусовки. Сегодня позвонила в Липецк - странное ощущение. Я уже совсем не уверена что поеду туда на Новый Год. Похоже я там больше не нужна. А это значит, что ничего я распечатывать не буду. Это еще слишком рано сдавать в архив

Кстати, Ваня записал мне на диск некоторые фотки с моего харьковского концерта, и их фотки с недавней поездки в Москву. И что же я там обнаружила? Вот они, четверо, на перроне с украинским флагом, но в Москве, на Курском вокзале. Фото сделано месяца за 4 до описанных событий.

Лоскутные воспоминания.

Беларусь-Украина, весна 2008 года

Со временем память разбивается на пазлы. Навскидку находятся только самые яркие. Или самые нелепые. Или самые дорогие.

Наверное, поэтому я так люблю уезжать из дома. Лежа на верхней полке, в храпящем плацкарте, перемешиваешь в памяти цветные кусочки воспоминаний, вытаскиваешь самые-самые, и, засыпаешь, улыбаясь.

Витебский зоопарк больше похож на детский садик, с животными вместо ясельной группы. По только что зазеленевшим клумбам павлин шустро улепетывал от двух-трех летнего ребенка, периодически не успевая заносить хвост на поворотах. Всякие курицы паслись неподалеку, по всей территории разгуливала лошадь. Старый-старый лев спал в клетке, переделанной из детсадовской веранды. Мирный чистый город, с вежливыми водителями и спокойной жизнью. И захватывающей дух возможностью, постоять на мосту, прямо над речным путем "из варяг в греки".

По Полоцку мы шатались шумной компанией, состоявшей из пятерых девочек. Вода в Западной Двине была еще слишком холодной, и я удержалась от желания скинуть ботинки, и потоптаться по последней ступеньке деревянного спуска. Но вишни уже расцвели.

Ночью город совсем тихий. Только по центральным улицам шуршит уборочная машина. По аллеям бродят влюбленные парочки, а из церкви расходятся бабушки со свечеными куличами. Пасхальное утро я встречала на мосту через Двину. Не могла отказать себе в удовольствии забраться на скрепление фермы, когда внизу несколько метров и холодная вода, а впереди встает солнце.

Очень многое в жизни можно списать на детские воспоминания. Не спешите этого делать. Когда я была маленькая, мы с бабушкой жили на даче, в Подмосковье. На дворе конец 80-х. Мама с папой снимали нам пол дома в какой-то деревне в Московской области. Папа работал на КАМАЗе и иногда брал меня с собой покататься. Это было очень-очень давно. Это была не то что другая страна, это была как будто параллельная реальность — пыльное солнце моего советского детства. Я никогда не думала, что в окно автобуса, катящегося по Беларуси XXI века, увижу

ту самую страну, которую я видела в детстве в окно отцовского КАМАЗа. Старый, аккуратно залатанный асфальт, чистые деревянные автобусные остановки, опрятные обжитые деревни, сельские магазины, дедушки на велосипедах, собаки в будках, засеянные поля, старые «жигули» на дорогах. Зерновоз сворачивает с проселка на трассу, поднимая пыль, и - солнце. То самое, светло-желтое, цвета сливочного масла. Из детства. Я не знаю в чем дело. Там даже солнце прежнее.

Минск меня поразило отсутствием людей на улицах. То есть, люди, конечно, были, но настолько мало! И машин мало. Моя любимая сталинская архитектура в первозданном виде - широкие проспекты, красивые дома, большие площади. Старые кварталы не сохранились, только один восстановили недавно. Но я не люблю рафинированной новостройной старины. Минск великолепен и без нее.

В Брестскую крепость я попала, сев на какую-то хитрую маршрутку, доставившую меня к служебному входу в музей. Так даже лучше. На парадном входе играет музыка, звучит голос Левитана... Я же бродила по развалинам в тишине.

Настолько же, насколько меня поразило мемориал на Мамаевом Кургане, настолько же разочаровало мемориал в Брестской крепости. Такие вещи должны быть либо шедеврами, либо не быть вообще. Тонны бетона и стали, которые не станут, не могут стать значительней холодных обожженных кирпичей бывших казарм и лазаретов. Я почти разуверилась в памятниках советской эпохи, пока не увидела Солдата. Я шла от Храма к парадному входу. Он полз к Муховцу опираясь на автомат. Где-то между 22 июня и 20 июля 41-го года. Он протягивал каску, чтобы зачерпнуть воды. Но находил в ней только красные гвоздики.

Харьков запомнился радостными воплями встречающих, солнечными площадями и парками, и практически пустым залом. Ну какой дурак в такую погоду полезет в подвал клуба, да еще и за деньги? И все-таки мы зажигали. А потом провожали Хельгу на вокзале, чем немало повеселили других провожающих. А я осталась, продолжать украинскую цепочку концертов.

Киев цвел каштанами и украинскими флагами. Майские праздники все-таки. Да еще и погода замечательная. Прогуливающиеся по аллее странно смотрели на компанию молодежи, которая сидела на полукруглой лавочке, и слушала песни под гитару, и, иногда, стихи. А еще там есть клевый парень Незнайка, с которым потом пили вино на Андреевском

Спуске. Подписали протест против строительства какого-то стеклянного офисного кубика поперек всего Спуска. Если в прошлый раз в глаза бросалась разница между Россией и Украиной, то теперь — схожесть. Снести исторический квартал и всобачить коробку — это по нашему.

А потом еще неделю висеть в Славянске. Наверное, так себя чувствуют школьники, когда прячутся от родителей. Самый край Донецкой области, старые троллейбусы и вид на город с заводскими трубами и частными домами напротив двенадцатизэтажек. Пить пиво и играть на гитаре в старом детском садике.

Димка проводил меня на поезд Мариуроль-Москва. Проводница была веселая, но полная дура. Один раз забыла открыть дверь на станции, и бабулька, которая не смогла выйти, долго причитала у запертой двери. Забыла разбудить другую бабушку в Белгороде. И так всю дорогу. В общем, она на меня несколько странно посмотрела, когда, после нашего трогательного прощания с Димкой в Славянске, я выкатилась в Харькове, где меня встречала святая троица Димкиных друзей. Без всякого дела, просто повидаться. Когда я в Туле, в 6 утра, потребовала открыть мне дверь, за которой обнаружился сонный замерзший тульский панк Кедев, проводница перестала шутить. Кедев получил обещанные диски и утопал, а поезд доехал до Москвы, где меня встречал Витька. Я ж не буду ее ловить и объяснять, что это вообще мой брат. Чиорт, кажется я понимаю за что меня бабы ненавидят.

И — осознание того, что все хорошо. Наследующий день я поеду в Липецк, где непременно куплю себе хиповскую юбку. Я попрошу ребят надарить мне цветных фенек. Очень их хочется, цветных фенек. Ведь скоро — лето.

*И теперь я знаю, что там за дверью в лето,
Это место для тех, кто выжил зиму и осень.
Эти двери повсюду и в то же время их нету,
Без звонка, зато с табличкой "милости просим".
Я нашел эти двери, когда собирался в ад,
Мне помог в этом деле Его Величество Случай.
И с тех пор так гуляю, туда и назад,
Потому что вечное лето - это тоже скучно...
Чиж*

На Север

(Новгород-Питер-Петрозаводск, июнь 2007г.)

8.

Дома, почесывая за ухом только что вернувшуюся, после полуторанедельной гулянки, кошку, все всегда кажется сном. И можно было бы поверить, если бы от гитарного кофра так не воняло дымом костра и копчеными сосисками.

7.

Полутемный плацкарт Мурманск-Москва, в который я загрузилась в Петрозаводске, кишел детьми. Их было раз в 5 больше чем взрослых. А когда за окном в разгаре белая северная ночь, желтый свет вагона создает лишь полумрак, но не освещает вагонные клетки. Эти чертovy дети, боже, как они орали. Меня спасло то, что меня немного укачало в машине, поэтому я расстелила постель и почувствовала, как проваливаюсь в сон. Голоса детей быстро сменились голосами наглых черноголовых петрозаводских чаек, и нашими радостными воплями. Четыре взрослых человека бесятся на набережной, бросая в воздух хлебные крошки, и глядя как птицы смешно, по базарному, их ловят. Ветер забирается за ворот, кислотно-зеленого цвета «ракета» на подводных крыльях (которая почему-то называется «Москва»), поднимает единственную, в погожий день, волну, и теряется на просторах Онежского озера.

6.

Но и этот захватывающий вид не может затмить впечатления буквально полуторачасовой давности: под ногами — железная руда. Та самая, на которой Петр строил свои заводы. Ты идешь по ней, не понимая, как тут ухитрились вырасти корабельные сосны и карельские березки. Это же даже не камень — железо. Земля сама отдает то, что припасла, но люди не трогают — заповедник. Хотя, не тронули и 300 лет назад. И вдруг руда заканчивается, обрыв. И 10 метров падающей воды. Кивач — самый большой водопад европейской части России. И страшно смотреть вниз, такое ощущение, что сейчас вольешься в этот рыжий поток с запахом

мокрого металла, провалишься вниз, где холодная вода, и та самая руда. И понимаешь что опасно, и страшно, и вообще, я ребенок домашний, но очень хочется потрогать. И начинаешь спускаться к воде, хватаясь за неровности горной породы. Альпинисты говорят, что забраться просто, сложней спуститься. Ну, раз уж спуститься удалось... А вода теплая. И теплое облачко брызг поднимающихся буквально в паре метров от тебя. И очень хочется искупаться, но... Наверху какие-то туристы тусуются, а плавать в чем-то по такой красоте представляется невообразимой пошлостью. И ты лезешь вверх, чувствуя, как сгибается и разгибается травмированное почти три месяца назад колено, но не болит. Потом оборачиваешься, и смотришь в обрыв, и на стену воды и думаешь: как? Да, не важно.

5.

Говорят в Петрозаводске погода как в Питере — нихрена подобного! В Петрозаводске ветрено, а в Питере вчера было солнышко и никакого ветра. Нет, был, конечно, легкий ветерок, который срывал брызги и развешивал радугу над фонтаном на Московской. Облачко подростков на скейтах перемещалось вслед за облачком брызг - интересный способ купания. Двое маленьких суворовцев, оторвавшись от мороженого, объяснили мне, как проехать в центр, и найти набережную Фонтанки.

Я пробыла в Питере совсем недолго, а по большому счету, вообще боялась никуда не попасть, а зависнуть в Великом Новгороде.

4.

Если есть город-храм, то он в сердце моем. Содержимое сердца как-то странно совпало с пейзажем за окном автобуса. Господин Великий Новгород, город Владимира Крестителя и первой русской демократии, город волшебных людей и позитивных панков. Если посмотреть в купол Софийского собора, как бы нет того пятна голый штукатурки, как будто видишь новгородское небо на месте легендарного Спаса, Христа-Пантократора, через расстрелянный фашистами купол, и слышишь кругом ржание лошадей устроенной здесь конюшни. И, через это, через Мишкин голос, другое, совсем старое — легенду о том, что мастера, расписывающие купол дважды переписывали создаваемой фреске ладонь, и каждый раз на утро она оказывалась сжатой. И с тех пор считалось, пока ладонь Спаса сжата, Новгороду быть. Один из первых снарядов, упавших на Новгород уничтожил фреску, и тогда город взяли немцы.

А потом шлепать босыми ногами по нижней ступеньке набережной Волхова, по щиколотку в воде, и жмуриться от ласкового северного солнышка. Потом обратно, через мост, к Кремлю, и Мишка говорит: «Пошли вокруг кремля обойдем?», «Пошли». Мы шли вдоль проседающих с веками стен и разговаривали — Мишка очень много знает, сам археолог, историк, художник... на какой-то тропинке он говорит: «Смотри». И я оборачиваюсь на башни: от тропинки начинается спуск в старый крепостной ров — белая «кашка», и болото с лягушками, да заросли кустов, да березки. И крепостные стены с куполами за ними. Новгород. Какой сейчас век?..

3.

Ах да, музыка. По-моему я отыграла 3 классных концерта, 3 июня в Новгороде, 6 июня в Питере и 8 июня в Петрозаводске. Но какое это сейчас имеет значение? Это только повод для. Музыка — это отражение меня, а я сейчас там, на Севере. Один кусочек - навсегда. Если есть город-храм, то он в сердце моем.

2.

Полутемный плацкарт Москва - Новгород-На-Волхове. До конца не верится, что уже еду. На Север. SMS (исходящие): «Pol pervogo, a za oknom ne temneet. Eto polatny den?»

1.

Дома, собирая вещи, дрожащими руками по клавишам телефона: «Поехали со мной на Север? Прямо сейчас» Какой сейчас век? «Конечно же нет».

Кошь и Самара

Самара меня не любит. Каждый раз, когда я туда еду, случается что-то настолько вышибающее меня из колеи, что я даже побаиваюсь возвращаться. Вечно обламывающиеся залы и вписки, странные орги, которые предъявляют артисту претензии о плохо разосланной рекламе, не приветливые и откровенно опасные водилы, ломающиеся банкоматы, опаздывающие поезда, и прочие радости жизни. По этому я никогда не думала, что напишу песню про Самару.

Но все-таки произошла со мной одна история, которая дала мне повод об этом спеть. Сейчас я вам ее расскажу.

Это был август 2009 года. Более того, это было 2 августа, день ВДВ. Я отправлялась в Сибирь по трассе М5, с твердым намерением дойти до Байкала. Заночевав у друзей в Коломне, и проспав почти до 11 утра, я вышла на трассу в сторону Рязани под проливным дождем. Подъехав к Рязани, и сойдя на обьездной, выяснилось, что Рязань на въезд закрыта, а вся обьездная представляет из себя огромную пробку. Между машинами снуют, чиста пацанские «шестерки», из которых высовываются пьяные десантники и орут что-то размахивая флагами. Рязанское училище ВДВ гуляет, поэтому город было решено закрыть. Поменяв две машины я все-таки объехала Рязань, потеряв на этом часа четыре, и застопила фуру до самой Самары, что показалось мне тогда большой удачей.

Дело в том, что на следующий день в Самаре должен быть мой концерт, а на эту ночь вписки у меня нет: все мои знакомые отвисают где-то за городом на остатках Грушинского фестиваля и вернутся только завтра к полудню. Отправляю несколько СМСок с просьбой прислать хоть какие-то контакты, где можно вписаться, по тому, что в городе я буду ночью. Ответные СМСки не дошли: мы въехали в Пензенскую область, где МТСа нет вообще. Даже 112 не работает.

Мы проехали Пензу, когда нас накрыл дождь. Еще через полчаса начало темнеть. Водила сказал, что до Самары не доедет, остановится спать на стоянке. Что ж, так даже лучше, пока буду стопить, потеряю еще пару-тройку часов, и приеду как раз утром, чтобы мои ребята меня встретили в Самаре. Трассу застелили новым асфальтом, на котором еще нет разметки.

Мокрая дорога полностью сливалась с придорожными канавами, и я с ужасом понимала, что я вообще не различаю дороги, с подозрением поглядывала на водителя. Начиналась «зона Самары», то есть глобальная жопа.

Дорога пошла под горку, когда фура свернула на большую стоянку. Мы проехали мимо единственного на всю трассу фонаря, потом мимо кабака, за шлагбаум, где парень-парковщик указал куда встать. Водитель выключает двигатель, блокирует двери и радостно заявляет, что я остаюсь с ним в кабине, и ни в какую Самару не еду.

Тут надо заметить, что выходя на трассу, особенно девушке, надо быть готовым к тому, что придется защищать себя всеми доступными методами. Кто-то носит нож за поясом, кто-то предпочитает электрошокер. Но самый надежный метод — договориться. Для этого никогда нельзя терять самообладания, говорить всегда спокойно и убедительно, показывая человеку, что ты его не боишься, и у тебя уже есть план действий на любой случай жизни.

А еще надо уметь противно улыбаться.

Итак, противно улыгнувшись, я с издевкой в голосе поинтересовалась, сколько стоит его лобовое стекло. Потом поинтересовалась, сколько в местном кабаке будет стоить проститутка. Потом улыгнулась еще противней, и сказала, что если он не откроет дверь, я сейчас с двух ног вынесу лобовуху. Даже если он успеет меня поймать после этого, это будет очень нерентабельно. Мужик смерил меня оценивающим взглядом (а я при росте 170 вешу почти 100 килограмм, при этом довольно легко двигаюсь, бегая за фурами и лазая по прицепам), и поверил.

В общем, забрав свои вещи, я вышла из машины и отправилась стопить следующую машину, понимая, что уже глубокая ночь, и это занятие может растянуться надолго.

Выйдя под тот самый злополучный единственный на трассе фонарь, я подняла руку. Машин практически нет. Пара легковушек пронеслась мимо, даже не заметив. Зато меня заметило местное гопые. От ступенек кабака отделились два изрядно бухих тела, которые сидели в обнимку на ступеньках, и направились в мою сторону. Разговор был банален: меня пытались попануть на гитару. Но, то ли из за того, что на мне была флисовая куртка моего брата, с большим капюшоном, то ли из за моего севшего голоса, то ли из за того, что они были уже изрядно бухие, то ли из за совокупности этих факторов, они не поняли, что перед ними девушка. И

отвалили, отправившись обратно на ступеньки, допивать. И тут у кабака появляется мой водила. Видит меня и направляется ко мне. С нашего расставания прошло минут 5-10, а он уже в слюни, идет-шатается. Горегопники у кабака походу очухались, и проявляют интерес к ситуации. Я понимаю, что пора валить.

Собрав в кулак всю оставшуюся выдержку, я медленно поворачиваюсь, закидываю за спину рюкзак и гитару, и иду по трассе в сторону Самары. За спиной слышу шаги и голоса. Метров через 10 оборачиваюсь: эти трое ищут меня, матерясь и заглядывая в канавы, не догадываясь, что их слепит фонарь, за круг света которого я уже вышла. Иду дальше, стараясь спокойно, но быстро, отойти на безопасное расстояние. Дохожу до низинки, после которой начинается подъем. Здесь трасса делает крутой поворот влево, а на горке, на которую мне предстоит подняться, стоит такой же кабак со стоянкой, звучит музыка, и горит гребанный фонарь. Назад — нельзя. Вперед — нельзя. Сойти с трассы я не могу — канавы полны воды. Несущиеся под горку машины, при отсутствии разметки, могут не увидеть поворота, на котором я стою. Утешает только то, что я обвешана фликерами. Ну и то, что за те 10 минут, что я там простояла, мимо пронеслась всего одна легковушка, притормозив, видимо приняв меня, за неизвестный доселе дорожный знак.

И тут происходит маленькое локальное чудо: в Пензенской области, где нет связи, в низине, мне приходит СМСка: «Я тебя жду в любое время...» и адрес в Самаре. Я неверящим взором смотрю в экран, и слышу вздох тормозов: передо мной останавливается цементовоз. Я, еще не совсем понимая происходящего, забираюсь в кабину и знакомлюсь с водителем. Мокрый асфальт сливается с мокрой травой, туман — с облаками, звезды — со своими отражениями в асфальте. Вокруг нас — со всех сторон, и сверху и снизу — огромный холодный космос, и машина, вздохнув, освещает приборами лицо водителя, и прокладывает себе путь дальним светом.

Ангел-хранитель, лохматый и не выпавшийся, стоял на пороге. Им оказался брутальный самарский металлист, явно не ожидавший увидеть такой хипья кусок, каким я оказалась. Как бы то ни было, через час, я, отмытая и накормленная, сидела на кухне и рассказывала, как я докатилась до жизни такой, и чем вообще по жизни занимаюсь. Он хихикал и комментировал, попивая чай. Буквально через пару часов меня заберут мои самарские ребята, а мы продолжим общаться, пока разные интересы не разведут нас совсем по разным мирам.

Я делала их группе электрический концерт в Москве, что позволило мне познакомиться и с частью самарской тусовки, и с московскими металлистами, узнать еще больше хороших людей. Самарцы приехали частично на поезде, частично прилетели на самолете, и долго не могли улететь обратно, из-за плохой погоды в Самаре. Он делал мне сольный концерт в Самаре, и вписывал меня, когда я проезжала мимо или играла какой-нибудь квартирник. Группа у них весьма забавная: они на сцене такие серьезные, морды белым гримом раскрасят, пафосу напустят, близко не подойдешь. А в жизни такие пошлые, что у меня от их разговоров уши вянут, хоть меня и сложно испугать. А они еще и ржут. И как то, когда я очередной раз отвисала в Самаре, у нас с Ангелом состоялся разговор:

- Сколько можно пошлить, я серьезно говорю! Ты вообще смущаешься когда-нибудь?

- Я? Хе-хе, этого никто никогда не видел.

- Я тебя засмущаю.

- Ты? Меня? Если только рассмешишь

- Вот посмотришь

- ...

И т.д. В общем, вызов был принят. Вызов был не прост. Никаких идей не было, да и разговор вроде бы забылся, меня никто не торопил. Потом общаться стали все реже как то, оба занятые люди, у них группа вроде как распалась, а может и не совсем, но Ангел уже какой-то усталый, и на аську не всегда отвечает, и мне уже неудобно проситься на вписку, и не так интересно обсуждать взгляды на историю...

В тот год я так и не доехала до Байкала. Я до сих пор до него не доехала. Но я не жалею — все равно стоило попытаться, ведь смысл дороги не только в достижении цели. Просто это было время Пути. Именно Пути ради самого Пути. Чтобы понять саму его суть, принцип и то чувство Свободы, которое никогда не понять тем, кто не выходил на дорогу. И это время уходило. Начали появляться более важные цели, более глобальные планы. Организаторы начали оплачивать мои гастроли, я опять вернулась в плацкартные вагоны, чтобы в мерцающем свете тамбура чувствовать светлую грусть о том, что было, и о том, чего я не успела.

И вот я сидела на нижней полке какого-то вагона, который катился по просторам Необъятной, и вспоминала один самарский квартирник. Хозяйка квартиры задержалась на работе, и мы небольшой компанией тусовались

в подъезде. В квартиру вошли уже с первыми слушателями, так что я, как была, в зимнем стопном прикиде, скинув только ботинки и куртку, начала квартирник. Ангел приперся с работы уставший как собака, и завалился дрыхнуть в дальний угол, между диваном и стеной. Просыпался между песнями от аплодисментов, радостно орал «СИСЬКИ!!!» его закидывали подушками, и он спал дальше. На том квартирнике я спела ребятам «Собачью вахту», про памятник в Тольятти. И ребята попросили написать песню про Самару. Я с сомнением подумала, что мне про Самару лучше не писать, и забыла об этой истории. А теперь, получается, что все это уходит в прошлое, и мне его жаль. Я открыла тетрадку, которую всегда вожу с собой. Я не знала, как выразить все это словами. В вагоне погасили свет, и я подсвечивала лист мобильником. Три листа были исписаны и исчерканы напрасно, а потом исписаны еще три. Маленькое локальное чудо ускользало, и шариковая ручка никак не могла его догнать. Я поняла, что занимаюсь бесполезным делом, и легла спать. И тогда оно мне приснилось.

*Партизанскими тропами, дорогами славы,
Пробираюсь к тебе, от окопа к окопу.
Но в этот раз я, пожалуй, отстану:
Минус тысяча в личный журнал автостопа.
И, сжимая кулак, пропускаю свой поезд,
Твой город мигнет, и уйдет в подпространство,
Растает со всем, что хотелось запомнить,
Исчезнет из мира, в котором останусь.*

Последний день весны.

*31 Мая, Кошка_Сашка в Санкт-Петербурге
www.koshka-sashka.ru
Акустический концерт
ROCK CAFE
ул. Пионерская, дом 32 (ст.м. "Чкаловская").
начало в 19:00*

31-го мая 2011 года, в 4:40 утра поезд пришвартовался к перрону Московского вокзала. Я открыла глаза и посмотрела в окно, чтобы убедиться, что вот теперь действительно пора вставать. На выходе, как обычно, длинная очередь. Никогда не понимала, зачем стоять по 10 минут в очереди на выход, если можно просто подождать пока все выкатятся, а я в это время как раз поправлю одежду, соберу белье, расчешусь и сниму вещи с полки. Через секунду забыла обо всех добрых бабушках, которые будили меня последний час, попрощалась с проводницей и нашла на перроне такого же помятого братца Витьку.

Мы сосчитали скудные финансы и пошли промышлять шаурму, вернее шаверму, так будет по-питерски.

Братец работает на очень живописном тарантасе - синий Иж «каблук», которому Витька придумал кучу модных и не совсем приличных имен-эпитетов. На нем доехали до прекрасного байк-клуба на Лиговском, и засели туда пить чай.

Утро прошло очень плодотворно. Надо сказать, что семейные разборки, это такой особый вид народного творчества. Задача каждого собеседника, так объяснить своему оппоненту, что тот мудака, чтобы тот не только понял, но и понял заодно, как означенный родственник его любит, и все равно не бросит. Высший пилотаж не получить при этом ни чаем в морду, не кружкой по оной. День задался с самого начала - я выигрывала. Ну не я же в конце концов потеряла ИНН и пенсионку, живя в другом городе! Витька быстро скис, довез меня до метро, и укатил по делам. Вечером на концерте не появился, видимо я все-таки переборщила с сестринской заботой.

Времени 8 утра, концерт вечером. Идти мне особо некуда.

Здесь надо отметить такую мою особенность: дело в том, что я, в отличие от многих москвичей, не испытываю никаких теплых чувств к

Питеру. Ну да, красиво, но я знаю много красивых городов. По энергетике город совершенно не мой - слишком помпезный и холодный, слишком эстетичный и неряшливый, слишком аристократичный для современности и слишком гордый чтобы быть приветливым. И еще - меня здесь никогда никто не ждет. А меня сюда никогда не тянет ничего, кроме некоторых дел.

В общем, в центр мне не хотелось, забуриться в кабаки не позволяли финансы... я решила спуститься в метро и посмотреть куда кривая вывезет. Взгляд остановился на названии станции «Парк Победы».

Когда-то, кажется на втором курсе, у меня был подружка Юлька. И мы пришли в Парк Победы, взяли лодку, и катались по прудам, пока не надоело. Я сидела на веслах, а Юлька говорила куда плыть...

Выбор был сделан.

Парк с тех пор стал опрятнее, когда-то заросшие берега теперь окаймляют аккуратные газоны и изогнутые мостики, все дорожки заасфальтированы, детские площадки в полном порядке, лавочки греются на солнышке, обсыхая от росы. Многочисленные собачники проходят мимо со своими питомцами всех видов и мастей, мамы катят коляски, физкультурники совершают утреннюю пробежку, вдалеке миниатюрный трактор, с деловитостью муравья, разравнивает клумбу перед высадкой цветов, которые в свою очередь выгружают из маленького грузовичка двое рабочих. Я сижу на лавке, скинув туфли. Рядом со мной извечные рюкзак и гитара. Я думаю о том, что Витька во многом прав. Я не одобряю его поведения, но понимаю его логику. А еще я думаю, что надо все-таки покупать машину. Была б машина, сейчас было б где поспать.

Солнце припекает, мне надоедает сидеть на одном месте. Но чехол с гитарой очень неудобный, с ним особо не разгуляешься. И тут я вспоминаю, что еще я не видела в Питере. Столько раз тут была, и ни разу не видела моря.

Возле метро Приморская замечаю киоск с пирожными. Покупаю себе три разных пирожных, спрашиваю у тетеньки-газетчицы направление, и отправляюсь искать море. Вдоль дома с галереей, вдоль ряда новостроек, по какому-то пустырю, сквозь обязательную дырку в заборе, по какой-то насыпи... под ногами начинается песок. Скидываю туфли, закатываю джинсы и иду в сторону синей полосы.

Море.

Так вот ради чего все это. Этот город, эта помпезность и вычурность, эта вековая гордость, эта государственность... Здесь есть море. Как

оказывается все просто. Как оказывается это здорово. Шлепать босиком по холодной воде. Смотреть на играющих детей и читающих мамаш. Слушать грохот в порту. Собирать камешки. Есть пирожные сидя на песке.

Я заснула положив голову на гитарный кофр. Меня разбудили через пару часов веселые вопли. На берегу немного сменился состав отдыхающих: вместо мамаш и детишек пляж заняли школьники, у которых закончились уроки. Девочка лет 14-ти, закатав джинсы по колено, бегала полосе прибоя и орала «Идите сюда! Вода такая теплая!». Двое мальчишек, с которыми она пришла, быстро скинули одежду и плюхнулись в ледяную воду. Потом еще минут 15 девочка бегала от них по всему пляжу. Но они ее все-таки поймали и выкупали в одежде. Я не смогла спокойно смотреть на эту картину, они так заразительно бесились! Купальника у меня не было, по этому я сняла джинсы, и пошла купаться прям в водолазке. Веселые дети болели за меня на берегу.

Через пару часов, высушив волосы и переодевшись, я поехала в клуб, Рок-кафе на Чкаловской. Пожалуй, что самый приятный из всех питерских клубов, в которых мне приходилось играть. Просторное не подвальное помещение с неформальной атмосферой.

Я думала, начало в 20:00, но на подходе к клубу меня встретил арт-директор, и сообщил что он уже волнуется, по тому что начало на самом деле в 19:00. А уже половина седьмого. Но мне, слава Богу, строить только голос и гитару, с чем мы справились за 5-10 минут. Ребята подтягивались, мы начали откровенно беситься. Моя питерская публика состоит в основном из позитивных школьников, по этому, каждый концерт заканчивается веселой прогулкой. И я стараюсь быстрее отыграть, чтоб быстрее пойти гулять. А на самом деле концерты получаются дольше, чем обычно, по тому, что время летит незаметно.

После концерта, мы, толпой в 10 человек, топаем в направлении, известном только нашему проводнику. Он знает перекресток X, на котором нас будет ждать местный сталкер, который поведет нас на крышу. У нас бутылка мартини и пачка сока. У ребят пара бутылок пива. Дети не пьют. Вижу сталкера, это Анька Хренник. Не видела ее довольно давно. Пожалуй, самый близкий мой питерский человечек. Сейчас загружена сессией, по этому написала, что не сможет прийти на концерт. Она не знала кого ведет вечером на крышу.

Темный чердак, гулкая жесь, теплый битум. Бесимся, фотографируемся. Мы со старшими пьем мартини с соком. Я что-то пою из фолковой программы. Ребята постепенно расходятся - скоро

закроется метро. Прошу кого-то из мальчишек довести мелких до метро, и написать мне смску. Анька идет домой, мы зайдем к ней как налюбоемся видами. Остаемся я, Леах питерский, Леах уральский (вот уж кого не ожидала встретить на концерте в Питере) и Света. Кто-то провожает Светку до улицы, кто-то бубнит какие-то автостопные байки. Я смотрю в небо, закинув руки за голову, чувствуя спиной нагретую за день крышу. Обгоревшие еще на пляже босые ноги чувствуют сразу и вечерний ветерок, и закатное солнце. Еще глоток. Еще два. И ты почти физически чувствуешь, как внутри натягивается очень острая струна. Как несколько месяцев пытались прыгнуть выше головы. Пытались собрать зал больше, чем могли, пытались продать записей больше, чем могли, пытались сыграть и записать лучше, чем умеем. Как ломаются люди. Как уходит сначала барабанщик, у которого мы полтора года репетировали, по тому, что быть арт-директором клуба проще и выгодней уже сейчас, а у нас все так же туманно и непонятно. Как уходит гитарист, который придумывал аранжировки, по тому, что отличная работа, байк, и любимая девушка, конечно же, перевесят необходимость вкалывать на призрачную цель, на которую у нас все еще не хватает ни средств, ни сил, ни навыка. Как мы судорожно пытаемся заменить людей другими людьми, музыку другими музыками, и сделать вид, что мы профессионалы, и нам море по колено, и ничего не жаль. А она вливается в меня изнутри, и я уже почти не могу петь. Но могу пить. Бутылка скоро закончится, и главное успеть. Еще глоток, и струна лопается со звоном в ушах. Питерские крыши, окна со шторами и котами на подоконниках, теплые квадратики под холодным вечерним небом, солнце закрасившее горизонт, ребята, что-то обсуждающие - все плывет, размазывается и тонет. Из глаз катятся слезы.

Через 20 минут меня, изрядно пьяную, мальчишки возьмут под руки и помогут спуститься. Мы пойдем к Аньке, Леах будет готовить пельмени, а Анька вызовет мне такси. Я приеду на вокзал, залезу на верхнюю боковушку у туалета, в вагоне, полном детей, проснусь утром с больной башкой, выпью бутылку пива, которую везла домой в качестве сувенира, выйду на Площадь Трех Вокзалов, и пойду домой, дальше играть свой рок.

Но какая-то часть меня останется на теплой крыше, босиком, с бутылкой мартини, в городе, где море, и никто не ждет.

*«А, в общем, клёво, что так вышло, я сижу на крыше, плююсь в панораму»
Пилот*

Трасса Новосибирск-Москва.

(имена участников истории частично изменены)

Пролог. Билет в один конец

Есть такой замечательный интернет-сервис — ВКонтакте. Сейчас никому не надо объяснять, что это такое, а в 2008 году меня несказанно удивило, что его обсуждают даже дети в Новосибирском троллейбусе. Это очень удобная система сбора контактов и обмена сообщениями, и я часто договариваюсь о концертах именно через этот сервис.

В начале августа 2008 года ко мне в личные сообщения поступала некая девочка, под ником Noga. Пусть так и будет — Нора. Предложение было вполне деловым: меня приглашали принять участие в фестивале «Крылья Сибири», который пройдет 22-24 августа, в доме отдыха под Новосибирском. Условия были хорошие: предлагали 10 тысяч, плюс дорога самолетом.

Но было и несколькостораживающих моментов.

Во-первых, странный состав хедлайнеров: Сергей Маврин (Москва), Кошка Сашка (Москва), Dream Veil (Омск), Коридор (Новосибирск), СТАВ (Новосибирск). Такая мешанина из разных уровней, стилей и географии меня несколько огорошила.

Во-вторых, мне очень странным способом покупали билет. Обычно билеты оплачиваются со счетов спонсора по безналу, а бумажный билет мне выписывают в ближайшем офисе авиакомпании при предъявлении паспорта и номера рейса. Здесь же, надо было встретиться в Москве с неким пафосным мальчиком, который за наличные купил мне билет. В один конец. Нора объяснила это тем, что обратные билеты они купят в Новосибе, как только я тут окажусь с паспортом. Сказать, что объяснение выглядело подозрительно — ничего не сказать.

Ну и, на сладкое, в-третьих: когда билет уже купили, оказалось что фестиваль перенесли. На неделю позже, то есть он будет проходить 29-31 августа под Новосибирском. Надо ли пояснять что время, прямо перед понедельником 1-м сентября, мягко говоря, не самое выгодное? Да и не переносят так просто такие масштабные фестивали.

Нора как раз прилетела в Москву, утрясать дела с Мавриным, и я задала ей все волновавшие меня вопросы. Но она меня заверила, что у их руководителя в мэрии все свои, и фестиваль будет. Посмотрела я на то, с какой легкостью люди мотаются Аэрофлотом, а это, надо заметить, не самая дешевая авиакомпания... Потом посмотрела еще раз на рекламу и верхушку организации всей этой жуткой авантюры... Сгребла в гитарный чехол комплект автостопных фликеров, и мы с Норой поехали в Шереметьево. Приключения начинались.

1. Мой дом дурдом (Новосибирск)

Оказалось что Норе 17 лет. Но гораздо более забавно попасть в 3-х комнатную квартиру, в которой живут 8 человек. Причем, трое, собственно, жителей квартиры, остальные подобранные, пришедшие и оставшееся, просто как-то материализовавшиеся, иначе говоря — вписавшиеся. И 3 кошки, причем, 2 из них — черные. Квартира оказалась уменьшенной и удаленной копией моего забавного сквота 3-4 летней давности.

Еще оказалось, что почти вся квартира занята в работе над этим фестивалем. И все это молодежь, которая состоит в какой-то подростковой добровольческой группе при местном комитете по борьбе с молодежью. То есть некоторым, как и Норе, не было и 18 лет. Там же выяснилось, что Нора за свои деньги слетала в Москву и попросила своего приятеля в долг купить мне билет до Новосиба. А кто же всем этим руководит? Есть такой человек. С тех пор, как я с ним познакомилась, вся затея стала еще более похожа на кидалово. Назовем его по отчеству, Натанович, руководитель этого самого кружка по интересам, куда все вышеперечисленные малолетки приписаны.

Мы встретились в каком-то кафе, Нора нас представила. Натанович сказал много пафосных слов про миссию рок-музыканта и предложил сыграть еще один, дополнительный, концерт в Новосибирске, в среду 27 августа, в преддверии фестиваля, так сказать. Я согласилась. Участвовать в этом балагане становилось все забавней и забавней — концерт, организованный за 4 дня, в рабочий день (среда), на краю Новосибирска (Академгородок), с полным отсутствием рекламы.

Я ни секунды не сомневалась, что явка будет провалена. Тем более, мы его честно предупредили, что буквально вчера провели мой квартирник у Норы дома, и набралось всего 30 человек. В день концерта Натанович, не будь дураком, заявляет, что клуб он арендовал за 50 тысяч. Концерт слетает из-за неявки, виноватой объявляется 17-летняя Нора. Документов на аренду никто, соответственно, не видел. В общем, кидалово красивое.

Я и понимаю, что могу пойти в милицию, написать все это, и они найдут крайних. Но я также понимаю, что формально инициатором моего приезда выступила Нора, а так как она несовершеннолетняя, то претензии выкатят еще и ее маме. А я все-таки прожила у них неделю, не хотелось их подставлять.

Итак, фестиваль отменяется, 3,5 тысячи км до дома. Я бы испугалась, если бы не ходила в прошлом сентябре на 3,5 тысячи км. Без бабла и обратного билета, в Новосибирске, мы начинаем отжигать по полной. Но все по порядку.

Кто не знает, я практически не пью. Не по идейным соображениям, просто я равнодушна к алкоголю... Это пока я сижу дома и занимаюсь хоть чем-то полезным. Но когда ко мне пришло четкое осознание вынужденного автостопа через пол страны — мы, извините, нажрались.

Случился сей забавный факт за сутки до моего предполагаемого концерта, который организовывал Натанович. К Нориной маме зашел приятель с двумя бутылками водки. Я с грустью посмотрела и присоединилась. Ой, какая же смешная пьяная Кошка! Но на утро мне было совсем не смешно — ты просыпаешься (а спала я на полу, на матрасе) от звука пришедшей смски. Телефон на столе на другом конце комнаты. Вся выпитая водка буянит в каждой клеточке непривыкшего организма. Сказать «штормит» - ничего не сказать. И вот, ты ползешь за мобильником, откуда-то с кровати ехидный голос: «Телефончик подать?». Отвечаешь «Я уже ползу... Багира! Я уже лезу!!!» Берешь этот гребанный телефон и читаешь: «Вас приветствует Мегафон /потерянный текст/»... Это был апофеоз. Я б даже сказала — апофигей. Впрочем, это был единственный раз, когда я пожалела, что изменила красным МТСовским яйцам.

Ближе к вечеру, когда я все так же валялась на диване, матеря на чем свет стоит винно-водочную продукцию, а Нора гладила мою концертную

рубашку, выяснилось, что обещанной машины до клуба не будет. Мама, сказав все, что она думает по поводу такой организации, позвонила своим и сказала, что машина будет через 10 минут, собираемся.

Приезжает симпатичный парень, мы вываливаемся из подъезда, я смотрю на машину, и мне уже становится плохо. Военный УАЗик. Жесткая подвеска... плохая дорога... похмелье... блиин...

Набиваемся в Уазик: Нора, парень ее, и я. Я сажусь вперед, объясняю водителю ситуацию, он проникся, сказал, что поедет по правой полосе, будем останавливаться, если меня укачает.

Где-то на половине дороги я поняла всю комичность ситуации с концертом. Дело в том, что Академгородок, это уединенный район Новосибирска, по сути, это Новосибирский Государственный Университет и вся его инфраструктура, вынесенная за черту города. Ведет туда ровно одна дорога, и в будний день в 6 часов вечера там ЖУТКАЯ пробка. Все жители города это прекрасно знают. То есть время и место концерта было выбрано заранее неудачно. Я уж не говорю о том, что аренда клуба в будний день не может стоить 50 тысяч.

Ладно, стоим, значит, в этой пробке. И тут видим, начинается съезд на обочину, и рядом с шоссе идет нормальный такой проселок... УАЗик... меня укачивает... Водитель успевает крикнуть «Держитесь!», и мы даже успеваем за что-то ухватиться. Сначала было очень весело, но потом, лично мне, было очень плохо. А эти сцобаки еще и ржали! Так или иначе, до клуба мы доехали как раз к предполагаемому началу концерта, то есть, в принципе, успели.

На ступеньках клуба стоял Натанович, показательно злой и расстроенный. С видом оскорбленной невинности он объявил нам, что концерт отменяется, потому что никто не пришел. А все из-за того, что Нора якобы провалила всю рекламу, и теперь должна ему 50 тысяч, которые он заплатил за аренду зала. И вообще не надо было связываться с артистом, на которого никто не ходит. На что я не удержалась, высказала все, что я думаю о его махинаторских способностях, о бессовестном отмывании денег, да еще и взваливании ответственности на подопечную ему молодежь. И если у него есть какие-то претензии ко мне, я могу, в принципе, первая подать на него иск, и пусть потом отвечает на вопросы, куда делись бюджетные деньги, выделенные на фестиваль, которого не было.

54

Итак, мы принялись за составление культурной программы на ближайшую неделю. Решили начать с того, что запрещено, а в Новосибирске запрещено практически любое подземное строительство. Нет, вы не подумайте, мы не собирались бункер копать, все уже выкопали до нас, осталось только туда забраться. Местных сталкеров разве что-то остановит? Почти в центре города они нашли подземный этаж недостроенного супермаркета. Выдавал его только какой-то странный, гаражного вида, спуск под землю, вместо замка закрытый на кусок проволоки. Если спуститься на два пролета по лестнице и немного пройти по коридору, попадаешь в первый зал, а за бетонными блоками-опорами

Новосибирский зоопарк это отдельная песня! Мы по нему шатались вместе с Нориным парнем, и по совместительству, вокалистом какой-то новосибирской металл-банды. Зоопарк такой огромный, что приглаживать за всеми посетителями просто невозможно. Чем мы и пользовались, пытаясь потискать всякое мелкое зверье. Так вот, про зверье: все кошки с котятами. Даже манулы. Но манула мы гладить не стали, хоть он и смотрел на нас соответствующим взглядом. Оказывается, дикие кошки мяукают совершенно жуткими голосами. А древесные собаки (полосатые лемуры) вообще орут, как будто их режут. Но когда мы его за лапу таскали, вроде не возмущался. Лапа у него холодная и намного мягче, чем у кошки или собаки. Еще хочу сказать, что ни одно фото не передаст какой забавный зверь фенёк! Вообще-то это пустынная лисица, но очень уж похожа на мою кошку — рыжая, ушастая, сидит на холодильнике и всех ненавидит. Правда у фенька холодильника нет, но сотрудники зоопарка для всех лисиц соорудили собачьи будки, и в погожий денек лисицы дрыхнут на крышах своих будок, а в дождь, как нам сказали завсегдатаи, набиваются все в одну будку, греться. Еще там есть такие твари — игрушки. Обезьянки размером с ладонь, с тааакими страшными рожами! Норин парень сказал, что хочет себе такую домой, над монитором поселить, она бы на него оттуда смотрела. Мне б после такого кошмара снились. Еще понравился зверь - харза. Я такого раньше не видела. Их там очень много, и у многих повреждены лапы, видимо из ловушек вынимали. Это какой-то местный пушной выхухоль, типа соболя. Харза очень красивая, похожа на сиамскую кошку по окрасу, только кремового цвета, а черный цвет немного в синеву отдает. Очень игривые и любопытные, мы видели, как девочка игралась с ними, просунув ветку через решетку, они так бесились! Потом отобрали у девочки эту ветку и с ней еще по клетке носились. Не удивительно, что эти морды любопытные часто попадают в ловушки. Еще наблюдали феерическую картину, называется «блондинки в зоопарке»: «Смотри, Бемби! Смотри, Рики-Тики-Тави!!!». Это напротив клеток с мангустами (которых, кстати, было от мала до велика), начинался вольер с пятнистыми оленями, и там пасся олененок. Еще меня поразил

бурый медведь. Зверь просто лениво сидел в клетке, но он был такой огромный, и от него веяло такой мощью, что прутья толщиной в два моих пальца казались не прочнее спичек. В общем, хотите испытать вихрь детского восторга — Новосибирский зоопарк!

Я нашла еще одно место, где я хотела бы жить - Академгородок. Представьте себе городок, в котором пятиэтажки спрятались прямо в сосновом бору. Соседнего дома практически не видно за ветвями, прямо в таком «дворе» можно собирать грибы, а белки запрыгивают в форточки и таскают печенье со стола. Обское море на самом деле не море, а водохранилище, где другого берега не видно. Песчаный пляж, ухоженные дорожки, остывающая вода и заросли облепихи. На берегу компания ребят с гитарой. Элли поет Медведева. Была безумно рада встретить Санту! Это потрясающее чувство, когда за столько километров от дома видишь знакомое лицо, когда он протягивает тебе список населенных пунктов, в которых можно остановиться и поесть, список телефонов, где можно вписаться в городах... Спасибо, Санта.

А вечером, после пляжа, Санта позвал меня на концерт «Коридора». Это одна из моих любимых групп, которую я никогда раньше не слышала живьем. Какой же кайф, сидеть за тридевять земель от дома и слушать любимые песни в компании друзей. Кстати, очень понравился клуб «Бродячая Собака». Не очень большой, человек на 80, уютный, сцена отделена от зала, звук хороший, а еще там такие клевые собаки на стенах нарисованы! Хочу там играть!

А еще в этот день мы с Нориним парнем шатались по музею паровозов. Меня в Москве ждали, его мысли были заняты Норой, которая отказалась составить нам компанию, поэтому мы не парились тем, как будем выглядеть в глазах друг друга, и, как заправская школоты, с визгом и воплями лазили по паровозам и вагонам. Я нашла колчаковский вагон: в него не пускают, но к окну приставлена лесенка и можно заглянуть внутрь.

Вообще, он провел со мной всю ту неделю, которую я была в Новосибе. Нора достаточно быстро потеряла ко мне интерес и свалила по своим делам, а мы с ее парнем шатались по городу. С тех пор мы не общались, но: «Если вспомнишь, вспоминай меня с улыбкой, я весьма весомый повод улыбаться». Это тебе, и - спасибо.

На следующий день я играла прощальный квартирник. Это было 31-го августа 2008 года. Я уже проложила маршрут и списалась с ребятами в

городах по пути следования. Меня ждали по дороге домой. Я обмолвилась, что когда мы с Нориним парнем ехали с пляжа в маршрутке, мне приснился кусочек песни про Новосибирск, и я ее сегодня ночью дописала. Сами понимаете, отвертеться было невозможно. Пока народ курил в перерыве, я набросала аккорды. Первое исполнение было лаженным до ужаса, но настолько искренним, что я еле допела, очень хотелось расплакаться.

Один из ребят, пришедших на квартирник, Саня, предложил пройти со мной по трассе до Омска, все-таки незнакомый для меня регион. И, 1-го сентября, когда все приличные дети идут в школу, мы, следуя совету Санты, выехали из Новосибирска на электричке, и встали на трассе.

*Обернусь, не удержусь, на тропке зыбкой,
Задохнусь на миг желанием остаться.
Если вспомнишь — вспоминай меня с улыбкой,
Я весьма весомый повод улыбаться.
Солнце катится над соснами, цепляясь,
Паруса на горизонте скоро слягут.
Это было, значит, лето состоялось...
Две фигурки удаляются по пляжу.*

2. Далее везде.

В сторону Омска нас подобрал веселый дядька Виктор Музыка. Он очень гордится своей фамилией, и я его понимаю. А еще оказалось, что Саня, мой напарник, учится в одном вузе с его дочкой, так что доехали мы под очень приятную беседу и смех. Это было очень важно, тогда, я даже не до конца понимала, насколько важно позитивное начало поездки. Потом он свернул на Коченево, а мы с Саней зависли очень надолго, все-таки двоим сложнее, дальнотой не берут.

Мы отходили все дальше от поста и спускались под гору, в сторону речки Камышевки. Все равно никто не останавливался. Заметили топающее от поста оранжевое пятно. Этого позитивного чувака мы обогнали на первой машине. С виду человек совершенно не подготовлен к дальним переходам: джинсы, кеды, толстовка (хорошо хоть оранжевая), барсетка через плечо (ровняк паспорт влезет), и поперек живота шарф с надписью «Самара». Нифигово чувак забрался, за 2,5 тысячи км, налегке то.

Правнялись, поздравались. Товарищ прилетел в Томск поболеть за любимую футбольную команду, а обратно его в самолет не пустили. Не знаю уж, как ему это удалось. И теперь неунывающий чувак топал до дома, подголосовывая вполоборота, и очень напоминал мне меня. У меня оставался довольно большой кусок фликерной ленты, которую я намеревалась нашить на чехол, но руки так и не дошли. Ленточку я подарила товарищу. У него совершенно не было отражателей, а ночью его оранжевая куртка не спасет.

Оранжевая фигурка утопала за реку и встала на следующем пригорке, по всем правилам автостопа: обошел впередстоящих метров на 500-700, встал на горе, после поворота. Через какое-то время мы обернулись, а его уже не было. Теплой трассы, привет Самаре!

Висим. Говнямба — никто не берет. Потопали потихонечку на тот пригорок, откуда уехал чувак. Встали после поворота на феерическую деревню Новокремлевское.

Новосибирцы! Советую всем посетить этот замечательный населенный пункт! Не знаю уж, что вы там увидите, но раз уж такое творится на въезде, я представляю, что в самом селе происходит!

Во-первых, туда уходило очень много машин, практически весь поток заворачивал туда. Обратно шло тоже очень много, но обратный путь выглядел еще забавней. Мы стояли после поворота, лицом к нему, и достаточно долго наблюдали совершенно крышесносные явления. Мозгами-то я понимала, что что-то лежит на дороге и видимо противно бряцает, когда на него наезжают. Но выглядело это так: каждая выезжающая машина останавливалась в одном и том же месте, водитель выскакивал и начинал обхлопывать всю машину по периметру. Совершив этот нехитрый ритуал прощания с поворотом, машина спокойно уходила на Новосибир.

Во-вторых, таких колоритных личностей я на трассе больше не видела. Стоим, смотрим, что-то на нас движется очень-очень медленно. Начинаем спорить, что это. Саня говорит телега, но я слышу, что она тарахтит. Но Саня прав, мотоцикл давно был бы тут. Подъезжает к повороту колымага, сваренная из прицепа от москвича, и газонокосилки. Скорость около 5 км/ч. За рулем дед лет под 80. Мы начинаем беситься и махать деду, дед нам кричит «Поехали со мной!».... в общем, видимо, проезжающим

машинам мы принесли бы еще больше позитива, чем деду, но проблема в том, что машин не было. Стоим дальше.

Притормозившая машина высаживает местного автостоппика, какого-то бухого мужика. Мужик поворачивает на это самое Новокремлевское, садится посреди дороги в позу лотоса, закрывает глаза и сидит, раскачиваясь. Проезжающие машины его аккуратно, я б даже сказала со священным благоговением, объезжают. Мы отвернулись на секунду, мужик исчез. Наверное, это был какой-то местный дух дороги, в качестве моления которому водилы обхлопывали свои машины.

На фоне всего этого великолепия и зависалова, Игорь, на каком-то японском подобии Газели, казался нашим персональным Богом Дороги. Но... самое неприятное ощущение — когда приходится бросать на дороге человека, попавшего в трудную ситуацию. Лопнуло внутреннее колесо. Машина идет с перегрузом, груз хрупкий, до города не дотянет. Тормознули грузовик, стрельнули лом, сняли первое колесо, второе — никак, гайки прикипели. Саня помогал раскручивать, я останавливала машины, клянчила чертов лом, на каждую трудную гайку. И вроде понимаешь, что ничем ты тут не поможешь. Да и не пустая трасса, водилы останавливаются помочь товарищу. Все равно, я бы не ушла, если бы Игорь сам нас не отправил: «Ребят, вы идите, я буду ждать эвакуатор... Да бросьте, если б один ехал, точно так же бы встал, не страшно, свои приедут, груз перекидают...»

И висели мы еще почти час. Я не помню всей дороги в деталях, может, Саня бы подсказал, да не хочется человека напрягать из-за своей писанины.

Помню обед в придорожной кафешке, и как Саня ныл, что хорошо бы поспать, я на него шипела, и мы смеялись, помню, что стояли рядом с населенным пунктом «Клубничная», помню, что до него нас подвезли ребята-строители, запустив в кузов-бытовку. Помню закат за спиной, работающий комбайн, телегу, пересекающую трассу и уходящую в нескошенное поле, помню старинный мотоцикл, остановившийся скорее из любопытства, который, конечно, не смог бы увезти двоих с двумя рюкзаками и гитарой. Помню, как застопили автобус, в котором мы встретили Саниного дядю, помню ужин в другой кафешке, и небольшой импортный грузовичок до последней развилки перед Омском. Помню, как хотели уже уйти в лесок и разбить палатку, но я, по своему обыкновению,

осталась стоять до победного. Помню фуру до Омска и такси до нужного дома, помню улыбающуюся рожу, выглядывающую из подъездной двери, почти через 20 часов после выхода из Новосибирска. Семь сотен за 20 часов, но я не пожалела и о 20 минутах, потому что оно того стоило. Но лучше всего помню, как мы, на черной-черной дороге, среди черных-черных полей, где ни одного фонаря до горизонта, стояли, запрокинув головы вверх, и смотрели на близкие-близкие звезды. Огромное холодное небо пересекал величественный Млечный Путь.

Выглядывающую из подъездной двери рожу звали Сережа. Мой интернетовский знакомый. Из всех, чьи телефоны мне предлагали для вписки, я выбрала именно его, как самого хорошо известного человека (насколько конечно можно изучить человека по Интернету). Я представляла его совсем другим, но это было уже не важно. Теплая квартира в стадии вечного ремонта, теплая вода в кране, теплая постель, щедро освобожденная Серегой, который убрел спать на диван, и возможность выключиться на несколько часов перед природником.

Омск я видела в основном из окна автобуса. Частный сектор, потом кирпичные домики с красивыми крылечками, потом центр, с его площадями и фонтанами. Кстати, фонтан на площади напротив Университета сделан в форме Державы, только символика на нем советская. Все-таки короткое звание колчаковской столицы дает о себе знать, а скульпторы во все времена были большие шутники.

Нас трое — Я, Саня, Серега, да еще трое слушателей. Нам весело, носимся по скверу, пугаем студентов, орем, пристаем к прохожим. Буянила в основном я, так что, я представляю, какое у ребят сложилось мнение о москвичах. Начинаю играть, подходят ребята, слушают.

Потом шатались по набережной, дотопали до слияния Иртыша и Омки, посидели немного на плитах у пушки и разошлись. Мы с Саней к Сереге домой, а черти на концерт Крыса.

А у Сереги-то дома никого и не оказалось. Пока Саня искал, где бы купить колес от температуры, я, собственно, температурила во двореке, с любопытными детьми. Дети очень хотели спросить, что у меня в чехле (ну не может же быть простая гитара такой большой), но то ли стеснялись, то ли делали вид, что приличные, и хулиганили не ближе 2-3 метров от меня.

Потом вышли старшие мальчишки и вынесли мячик. Солнце пыталось прилечь подремать на крыши гаражей, но постепенно скатывалось со скошенных битумных подушек. Дети были увлечены футболом. Саня принес парацетамол, печенье и газировку. Маленькие мальчик и девочка ссорились, кидаясь друг в друга песком. Мы сидели на бетонной плите шахты теплоцентрали, почти доверху заваленной пивными банками и фантиками от конфет. В дальней помойке копался алкаш и три разноцветные кошки. Какая-то мамаша объясняла с балкона девочке, что Оля не пойдет гулять, она теперь учится и по будням не гуляет...

Домофон неожиданно откликнулся — кто-то из Серегиных домочадцев вернулся с работы. Мы зашли в комнату и завалились спать на единственную кровать. Саня порывался раскатать свою пеночку, но нам было лень убирать разложенный столик, который мы не убрали после обеда, а места в комнате совсем немного. Я не слышала, как вернулся Серега, как мне пытались предложить ужин, как они собирали этот чертов стол, как меня укрыли одеялом, как Саня шуршал своей походной койкой... Мне снились водовороты синей и рыжей воды, теплые плиты и ветер с реки... с рек... которые крутят колеса, какой уже век? Хотя смысл тех колес и иссяк, Иртыш обмелел, но не вышел весь, и мы все-таки здесь, греем шкуры на плитах, как стая бродячих собак...

Утро начиналось как всегда, с будильника. С Саней простились на остановке, он уходил обратно в Новосиб. Хороший напарник. Если будет случай, я пойду с ним и на более дальние расстояния. Теплой трассы!

Серега сидел напротив меня в маршрутке. Какие иногда интересные личности встречаются в рядах проагрейженных толкинистов. Наверное, именно так я представляю себе своего слушателя. Когда по ту сторону зрачков не просто что-то есть, а когда ты чувствуешь испытующий взгляд и понимаешь, что не на все вопросы уже готовы правильные ответы, и придется еще раз подумать, прежде чем ляпнуть следующую прописную истину. Забавные черты в глазах, звери редкие, доставляющие своему владельцу массу хлопот, но и дарящие многое, что другим недоступно. Когда ты чувствуешь наивность вопроса, но понимаешь, что разговариваешь с равным. А мечом махать — все мы через это проходили, и я тоже. Мы попрощались на выезде из города. Страница перевернута,

книга захлопнута. А потом — осеннее солнце и ветер на трассе, «Дяденька, здравствуйте!», асфальт шипит под резиной, а я что-то пою, голосуя. Все-таки это потрясающее чувство, ты абсолютно свободен, и проезжающие машины сигналият, а из кабины машут рукой...

Трасса IP402 - прототип Трассы 60 из небезызвестного фильма. Драйвера-газелиста звали Андрей, и, походу, он сам плохо понимал, что он, питерец, тут, в Сибири, делает. Практически как я. Почти так же приехал «за туманом, за мечтами и за запахом тайги». Машина начала сыпаться еще под Новосибиром. И вот сейчас отказал бензонасос. Машина идет на газу, но стоит заглушить мотор, как мы больше не поедem. Останавливались, чинились, смеялись, ловили грузовик, просили разогнать, опять чинились и смеялись. Заблудились в Тюмени, долго выезжали. Совсем стемнело, когда по ту сторону лобовухи начинался Урал. Андрей засыпал за рулем. «Сектор Газа» помогал первые полчаса. Остановились на час, хоть немного поспать. Через час мало что изменилось — Андрей сидит с открытыми глазами, машина медленно выезжает на встречу... Останавливаемся на ночь. Спать неудобно, зато тепло и не страшно. Когда ты разговариваешь с человеком 6-10 часов подряд, ты более или менее знаешь, чего от него ожидать. И прекрасно знаешь, от кого лучше пересесть в другую машину, а с кем можно хоть на край света.

Солнечным утром страшно въезжать в Первоуральск. Первое что видно с хребта — дымящие трубы завода и как смог ложится на город. А когда въезжаешь в этот смог, уже ничего не видно. Люди, как огромные вертикальные рыбы, плывущие в этом смоге по своим рыбьим делам. Мы остановились где-то в городе. У меня было полчаса, чтобы почистить чехол и рюкзак, записать телефон, продиктовать свой и договориться, что еще обязательно встретимся. За мной пришли. Первый раз водитель сделал крюк до соседнего города, чтобы отвезти меня. И первый раз я, ни секунды не раздумывая, махнулась номерами. Удачной дороги! Еще одна звездочка в Пути.

Паренька звали Денис. И особенность Дениса состояла в том, что он забыл предупредить родителей, что сегодня в их квартире будет квартирник. Судя по всему, мама Дениса к этому привыкла, я вкратце объяснила ситуацию, и нам без проблем освободили комнату. Организации просто не было. Но я прекрасно понимала, что это и так максимум, на который я могу рассчитывать, договорившись за неделю по аське.

Не смотря ни на что, квартирник вышел очень душевный. Ребята меня удивили знанием моего творчества, а еще была Мирта, которая, как потом выяснилось, ведущая на местном телевидении. Тут и началось самое интересное.

На следующее утро трасса видела очень странного автостопщика: все как положено, фликера, яркая куртка, стоит, голосует, а головой мотает чтоб не останавливались. А метрах в 5-6 стоит нормальное такое телевидение — машина, ведущий и телекамера. Честно говоря, я никогда не думала, что простой сюжет состоит из такого количества фрагментов. Каждое движение руки, каждый жест снимали отдельно! Сначала снимали интервью, потом, как я ловлю машину, потом меня отвезли на стелу между Европой и Азией, которая на старом Сибирском тракте, и снимали как я пою, сидя на границе... в общем, самого сюжета я не видела, но когда я на следующий день уезжала из города, меня бабушки и дедушки на улицах узнавали.

Впрочем, до отъезда я успела посетить Екатеринбург и познакомиться со своей родней, с которой до этого была знакома только по переписке. Для меня было настоящим откровением, что общаться с родственниками может быть интересно. И, если московская родня — это одни тетки, то там — наоборот, одни мужики. И вообще, брат басист — мечта музыканта.

Электричка на Пермь набирала ход, а мне очень хотелось спать. То ли пейзаж за окном был так похож на сон, то ли мне действительно все это снилось... река, петляющая за редким леском, как-то хаотично разбросанные некрашенные бревенчатые избы, убранные поля чередуются со скалами. Не знаю почему, но в этот момент мне вспомнилось, как в прошлом году я уходила по трассе в Питер. Москва не отпускала, засыпая меня мокрым снегом в начале октября. Москва была права, нечего было туда ехать. Но я очень упрямый человек, и Любимому Городу оставалось только качать фонарями вслед. Говорят, если человек тебе снится, значит, он о тебе думает. Как бы мне хотелось, чтобы Любимый Город думал сейчас обо мне. В эти поля и скалы я хочу вернуться летом, с хорошей компанией и палаткой. А сейчас, я бы, наверное, все отдала, чтобы, открыв глаза, обнаружить себя в голутвинской электричке, подъезжающей к Казанскому вокзалу.

В Перми я по настоящему заболела и два дня после концерта лежала в чужой кровати, или бродила по пустой квартире, иногда играясь с котом. Вечером возвращались люди, давали мне теплого молока, я немного приходила в себя, чтобы разговаривать, смотреть фотки, вспоминать прошлое лето... Так бывает, иногда ломаешься на полпути. Как все-таки хорошо, что есть люди, которые рады тебя видеть в любое время и в любом состоянии. Я уже на Урале. Еще месяц назад самой моей восточной точкой был Ижевск. А теперь мне кажется, что я почти уже дома, осталось совсем чуть-чуть.

*Когда Любимый Город тебе снится урывками
Беспокойно-короткого сна в электричке,
За окошком Уральские горы, подозрительно близкие,
Но смена пейзажей уже записалась в привычку.
А снится тебе обледеневшая трасса,
Вернуться зовущая в теплый уют квартиры...
И ты понимаешь, что пройденное не напрасно,
И есть с чем вернуться в свой маленький центр мира.*

*Тихо вспомни, позови меня туда,
Где давно уже забыли и не ждут,
Обвенчали по чужим по городам,
Вспоминай, Любимый Город,
Я вернусь.*

3. Больно - значит живой

Итак, Пермский экспресс пришвартовался на Пермском же вокзале. Ванька весело прыгал по путям мне на встречу. В этот момент я вспомнила, как в прошлом году он прыгал по прибрежным камням, доставал из Черного моря светящихся медуз и швырялся в нас.

На Черном море я познакомилась сразу со всей Ванькиной семьей, и

они были предупреждены о моем приезде, поэтому я не совсем поняла, нахрена было переться через весь город к комраду Денису, у которого хата свободная. Че-то я, по-моему, старовата для таких приключений, тем более с точки зрения 18-ти летних то мальчиков-одуванчиков.

У означенных одуванчиков видимо было свое мнение на этот счет, поэтому автобус катился все дальше от вокзала, а я позвонила маме, пользуясь божескими ценами Мегафона.

Какой-то странный жизненный закон, всегда говорить именно то, что может больше всего задеть. Например, сказать ребенку, который звонит хрен знает откуда, и просит передать Димке, чтоб тот бросил денег на мобильный, что то типа «где ж мы тебе столько денег возьмем». Действительно. Извините что попросила.

Ладно, похер. Мальчики говорите? Давайте сюда своих мальчиков, девочек, кошечек, кто там у вас еще есть? Разнесем к чертям эту пустую хату, пусть потом мой приезд вспоминают. Я сегодня самый веселый человек в этом городе. За спиной гитара, в кармане 250 рублей, до дома 1,5 тысячи км... впрочем, домой почему-то расхотелось.

Но до хаты было не так просто добраться. Выходим из одного автобуса, идем на другую остановку, и тут Кошъ потянуло на приключения. Перед остановкой стояла стайка волосатых ребят, с пенками на городских рюкзаках, и воровато озиралась. Автобуса нет. Ребята стоят. Средний возраст навскидку — 16-18 лет, моя публика. Кошъ лезет в рюкзак, достает диск и дарит чувакам диск. Народ настолько офигел от такого поворота событий, что нас с Ванькой пригласили играть в прятки в заброшенный элеватор. Урааа!!! Премся по каким-то буеракам на элеватор. Смотрю на группу — нормальная такая, стандартная группа. Все мальчишки налегке, все девчонки тащат в рюкзаках кучу архиважного барахла, для себя, и для того, кто, конечно, забудет свитер/пенку/термос... эх, ностальгия!

Собственно элеватор оказался не элеватором, а недостроенной холодильной установкой. Во-первых, в ней было холодно, а во-вторых, она была многоярусная. То есть над нами 4 этажа метров 5 высотой каждый. И первое, что сделали гениальные волосатые черти — начали собирать костер. Это в закрытом-то помещении. Потом какая-то девочка позвала ребят расставлять свечки, и от костра, слава Богу, отвлеклись. Все пространство наполнилось смехом, звуками далеких шагов и мерцающим

светом. Обещало быть интересно, но на меня навалилась усталость. Вроде целый день ничего не делала, в электричке дрыхла...

По полю из буераков разносилась песнь молодецкая. Ванька вызволил Дениса, до которого мы не доехали пару-тройку остановок, и вот теперь Денис ломился через кусты и канавы и орал песни на всю округу, а его девчонка Катя прыгала следом в лакированных туфельках.

Надо ли говорить, что с их появлением в элеваторе стало в два раза шумнее и веселее. Я достала гитару, по моему даже что-то спела... Вернулись волосатые черти, разожгли костер. Объяснить людям что дым и угарный газ это разные вещи, с первого разу не удалось. Элеватор оказался местом сбора местной молодежи, жаждавшей приключений. Через какое-то время начали появляться стайки подростков лет по 12-13, с интересом присоединяющиеся к общей тусовке. Костер горел. Начиная болеть голова. Меня начало морозить, видимо поднималась температура.

Мы с Ванькой убедили организатора всего безобразия потушить костер и перейти в другое помещение, попрощались с ребятами и потопали в сторону квартиры. У меня начало предательски ныть травмированное колено. Нести что-то, как то гитару или рюкзак, стало невыносимо тяжело. В стертых кроссовках и ветровочке, в сентябре ночью было холодно. Именно тогда я подумала, что в Новосиб-то я поехала совершенно неподготовленная к осеннему переходу — ни свитера, ни теплой обуви. Кроссовки разваливаются, ноги промокли, лямки на рюкзаке я отремонтировала в Омске, а на гитаре не пропала, что лямки отрываются, и вот теперь боюсь, что она упадет, если нести ее на одном плече. Вспомнила слова Андрея на Омской трассе: «Машина посыпалась за 4 тысячи километров от дома».

Когда очень хочется сесть и умереть прям тут, очень спасает когда вокруг тебя кто-то носится, буянит, искренне радуется жизни... Ванька с Денисом нашли бобину какой-то бумажной ленты. По-моему, неразрезанные этикетки от порционного сахара. И носились по полю, обматывая все вокруг этой лентой. Мы с Катей шли следом, стараясь не угодить в большие осенние лужи. Оказавшись на дороге, посмотрели на время — автобусы уже не ходили. Пошли вперед подголосывая. Денис, не смотря на все ПДД, остановил машину на эстакаде, чем был очень горд. Квартира оказалась очень цивилизная, под присмотром огромного пушистого кота. Меня покормили, выделили отдельную комнату... в общем, я не помню как я выключилась.

Утренний душ помог ненадолго. Голова болела жутко, видимо вчера все-таки надышалась угара. На душе было погано до жути. В занавески билось утреннее солнце. На кухне шуровал Денис, остальные еще спали. Котья царапался в дверь, но, увидев меня в депре, видимо, решил не приставать. Я бродила по комнате, замотав мокрые волосы полотенцем, и думала, в чем дело. Вроде, ничего плохого не делали, карму себе не испортили.

Я подошла к окну, почувствовала на лице солнце и закрыла глаза... где-то на периферии сознания, я все еще оправдывалась перед матерью. Я говорила что-то, что каждый может оказаться в трудной ситуации, и что мобильник — мой единственный способ не пропасть в этих городах, и что эти 300 рублей, которые мне уже бросили в течении недели, мне тут важны как воздух, по тому что оставшиеся 200 — это НЗ, и если я нормально впишусь, то меня покормят, а если нет? Да я понимаю, что вам может быть трудно их выкроить, но... ну хорошо, я выкручусь, только не говори таким обреченным тоном, я не хотела ничего у вас отбирать, мам, слышишь? Я позвонила, чтобы просто понять, что мне есть куда позвонить, не надо мне никаких денег, мам, я скучаю... Любимый Город поплыл перед глазами. Интересно, а Город может ждать, даже если в нем никто не ждет? Или это опять признания в любви, которые никому кроме меня не нужны? Цель пути закачалась и посыпалась как песчаный замок в сухую погоду. Солнце светило через щель в занавеске, а по щекам катились слезы.

Денис заглянул в комнату и позвал завтракать. Видимо у меня на затылке что-то было написано, что он извинился и вышел. Квартира начинала копошиться, просыпаясь. Я собрала вещи и вышла на кухню. Все уже было в порядке. Просто я не очень люблю каждодневные переезды. Не успел угнездиться, уже собираться.

Представьте себе нормальный такой гаражный кооператив. Ряды гаражей, открытые машины, дядьки в угвазданных джинсах и свитерах, копающиеся в жуткого вида железках и механизмах. Самый крайний гараж был открыт нараспашку, и любопытные автолюбители, которые туда заглядывали, с удивлением обнаруживали там компанию ребят, сидящих на ящиках и каких-то пакетах, слушающих песни под гитару. Ага, представляете? Вместо замутов с квартирой, хитрый Ванька стрельнул у своего шефа гараж. Вчерашние черти с элеватора тоже заглянули

послушать, что принесло мне немалое утешение — не угорели значит. Гаражник вышел очень душевный. Сидели, травили байки, пели песни.

Потом поехали домой к Ваньке, где я и свалилась с температурой на три дня. Я очень надеялась доехать до Казани, и свалиться там. Но трасса мудра, и я проболела в Перми. Понимаете, в 18 лет все это важно — трепаться до ночи, делиться впечатлениями, рассказывать что-то личное, слушать насмешливые каменты, и искренне считать другом того, с кем сейчас разговариваешь. Поэтому только с молодыми можно быть откровенным до конца. Они тебе не просто верят, они искренне доверяют. Поэтому им можно доверять. Человек немного за 20 уже понял, что чужая откровенность никого ни к чему не обязывает, и сможет ударить даже после выпитых вместе нескольких бутылок или нескольких тонн чая длинными ночами. Мир жесток. Поэтому я стараюсь общаться с молодежью, которая еще спорит с правотой устройства этого мира.

Трасса на Казань была пройдена за 10 часов. Урал, Удмуртия, Татарстан и два часовых пояса сменялись за окном, чтобы к вечеру Казань поприветствовала меня московским временем. Айдар в пиджаке, на золотистой Хонде, выглядел как местный мафиози. Не знала бы я его, хрен бы я к нему в машину села. Просторная чистая квартира, в которой живут Айдар и Ляйсан, брат и сестра. Ляйсан означает весенний дождик. Она действительно на него похожа. Мне выделили комнату, по которой можно, при желании, колесом ходить. Утром все разошлись на работу-учебу, а я осталась наедине с компом. Мебели по минимуму, зато много свободного пространства. В холодильнике еда. В компе Интернет. Что ты бродишь, Кошъ неприкаянный? Живой души не хватает? У тебя все есть, сиди и радуйся. Тут все люди взрослые, лишних эмоций тратить не будут, да и не зачем. Почти дома уже, так что отставить ныть.

Пришла Ляйсан и покормила меня обедом. Распевка, сборы, приехал Айдар, забрал меня на квартирник.

Квартирник организовывал Гешич, который делал нам с Хельгой концерт в Казани этой весной. Опять люди, смеялись, пели, травили байки. Жаль, что не удалось пообщаться нормально с Сашей Кашиной, хозяйкой квартиры. Наверное, это как раз то, чего мне не хватало — совершенно сумасшедшей творческой энергии человек. Там было очень много народу. Но когда человек пришел слушать, он совершенно по-

другому настроен. Он улавливает настроение, которое ты стремился передать своими строчками, он внимателен, он благодарен. Вообще, в Казани отличная публика. Но тут дело даже не в публике, тут другое. Я нашла еще одного человека, так же владеющего аудиторией как я. Такого же молодого, «безобразно живого». Саша подарила мне сборник своих стихов. Я смогла их оценить только по возвращении домой. Но уже тогда, глядя на нее, я могла сказать, что это будет что-то стоящее.

По квартире носилось совершенно очаровательное хулиганье! Представьте себе мою Кляксу — маленькую, изящную, гладкошерстную кошечку, только абсолютно белую! Ее зовут Сафо. Следы ее когтей еще долго будут мое запястье.

А вот со мной творилась какая-то неведомая фигня. Ребята остались после кварта у Саши. Мы с Айдаром тоже остались. Через какое-то время я поняла, что мне очень хочется напиться, устроить дебош, раздолбать что-нибудь на мелкие кусочки, поэтому я сказала, что пойду проветрюсь, и вышла во двор. Казань. Первый знакомый город в этом путешествии. Город, по которому хотелось прыгать вприпрыжку, и орать: «Я здесь! Я смогла! Я вернулась-вернулась-вернулась!», а он молчал в ответ что-то типа: «истеричка». И был, конечно, прав. Как, в общем, прав был и знакомый Ижевск, сухо ответивший: «Извини, мы не можем сейчас сделать тебе квартирник», и оставшийся табличкой перед поворотом на трассе. Поворот, который я прошла, стараясь не оборачиваться. И очень холодное, со дна всплывало понимание, что Москва тоже будет права, не отменив своих дел, чтобы со мной поздороваться. И это было очень страшно.

Какое же я все-таки дитё в душе. Но это не повод, чтобы портить людям настроение. Я вернулась, посидела еще немного с ребятами, и мы с Айдаром начали собираться. Гешка помог донести гитару до машины, я поблагодарила его за организацию, и он потопал обратно, к подъезду. Через лобовое стекло я смотрела на прямую фигурку в оранжевой курточке, топающую через косой свет фонарей. В голове и на душе не было ни-че-го. И, было такое чувство, что существует только салон машины, а все, что я вижу, просто нарисовано на стекле. И вдруг фигурка обернулась и помахала рукой. Машина мягко выезжала со двора, картинка на стекле поплыла вправо и рассыпалась, выпуская ночную Казань обратно в пространство, а машину — в ночную Казань. Соль, издеваясь, попадала на расцарапанную ладонь.

Сколько на самом деле сделал Айдар, своим молчанием и тем, что старался быть рядом, я поняла только когда мы, обнявшись, простились на выезде из города. Интересно, когда ж я уже научусь ценить то, что есть, а не ныть из-за того, чего нет? Все, выезд. Все, что было здесь, здесь и останется. Вон отсюда! Я поднимаю руку и знакомлюсь с Ильей из Обнинска. Прямой до Нижнего. Еще один человек, с которым мы махнулись телефонами и перекидываемся смсками. Нет, хороших людей все-таки намного больше, чем всех остальных.

В нижегородскую квартиру Василики и Вальтера я завалилась почти как в дом родной! Кошки, черепашки, мышки — чего там только нет! Через какое-то время начал пребывать народ, жители квартиры. Тусовка примерно как у нас, только, я как-то раньше не обращала внимания — у них в квартире не курят. Я заметила разницу только когда ребята приезжали летом ко мне в Москву: выяснилось что у Василики аллергия на табачный дым. Когда у меня будет своя квартира, в ней тоже нельзя будет курить.

В общем, я настолько расслабилась и обнаглела, что потребовала себе Интернет, чай, конфет, и шипела в ответ, когда меня пытались оттуда выцарапать. Они ржали, а я на них шипела. Спать завалилась, наглое животное, раньше всех, да еще и раскидав свои шмотки по всей комнате.

Встав поутру, мы пошли шататься по городу. Василике нужны были сапожки, а мне, вы не поверите — косметика. Да-да, к 25 годам Кошь дошел до того, что надо все-таки выглядеть, если хоть не прилично, то нормально. А постоянная смены воды и пыль с трассы приличному виду ну никак не способствуют. Мы бегали по разным торговым хреновинам весь день. Накупили всего что нужно и что ненужно. Господи, какой же это кайф! Только девушки поймут. Из полезного: нашли секонд. Во-первых, я купила себе теплую курточку-толстовку, которую можно было одеть как свитер под ветровку, а во-вторых, мои драные кроссовочки торжественно отправились в помойку, потому, что я нашла в секонде неплохие туристические ботинки на мой размер. Йес! Жизнь налаживалась на глазах.

Вернулись вплотную к квартирнику. Как же я все-таки рада видеть на концертах знакомые лица. Незнакомых ребят тоже было много, но обстановка была очень домашней, и все тоже быстро одомашнились. Были Варя, Фаэливрин, Стася, потом вызвонили Степу, Варинного брата,

продолжали веселиться. Я наконец-то расслабилась, успокоилась. Когда народ разошелся, попросилась в аську, трепалась с народом из других городов, все как будто встало на свои места. Как то ухитрилась выпасться за 5 часов, чтобы утром выкатится на трассу.

Я плутала по Владимиру наверное около часа. Вовкин район наполнен абсолютно одинаковыми автобусными остановками и киосками возле них. Я успела напугать жителей нескольких домов, похожих на Вовкин, своими названиваниями в домофон. Как же я была рада увидеть родную рожу, бегущую ко мне с очередной, абсолютно идентичной предыдущим, остановки! Опять приехала вплотную к квартирнику. Хорошо хоть поесть успела, и распеться. Последний квартирник перед последним рывком.

На следующее утро Вовка посадил меня в автобус на Москву. После Казани и Нижнего я вполне могла себе позволить покормить мобилу и купить билет. Все равно трассы осталось немного, а в пробках лучше стоять в удобном кресле. За окном пронесся поворот на Ногинск. Я вставила московскую симку. Пробок на въезде и в городе не оказалось, и двухэтажный автобус быстро добирался до Курского вокзала. Он остановился где-то на задворках, так как сам вокзал все еще не отделался от ремонта. Я заглянула в багажное отделение. Я всегда очень переживаю за свою гитару. Она аккуратно лежала в правом углу, единственная. Чужие сумки стояли друг на друге с другой стороны. Зря я за нее переживала — чехол был настолько угваздан, что люди свои сумки не то что сверху, рядом поставить боялись.

Москва махала мне всеми своими ветвями, встречные собаки приветливо потягивали и виляли хвостами, вокзал, как большой муравейник, звал скорее просочиться через его толпу, и выйти на родную улицу. Москва отложила все свои дела, чтобы у меня все было хорошо, чтобы мне было приятно возвращаться.

Я одела гитару, рюкзак, и потопала мимо Рок-арсенала через вокзал, по сути, уже чувствуя себя дома.

Эпилог. Удачи на дорогах!

Мне говорили, по Сибири какой-то феерически удачный автостоп. Да, в принципе он феерический. Но не в том плане, что подбирают хорошо. Подбирают так же как везде, люди везде люди. Поток там меньше, но когда начинает темнеть, и двоих забирают в течение 15 минут. Просто как-то чертовски везло на людей именно в эту поездку. И даже не в самой Сибири, а во всей поездке, как будто сам факт путешествия несет на себе какую-то печать судьбы. Наверное, то же самое чувствовал атаман Ермак, когда искал свое Беловодье.

Во всех культурах Дороге отводился какой-то особый, мистический смысл. Для свершения каких-то подвигов нужно было обязательно преодолеть Дорогу, и все, что она собой принесет. И в Дороге измениться.

После моего возвращения мы расстались с Димкой. Наверное, эта Дорога изменила меня больше, чем я могла ожидать.

Кстати, на альбоме «Северный ветер» стоит посвящение: «Дорогам, городам и людям...». Так вот, когда я его записывала, я еще не знала тех дорог, тех городов, и тех людей. Я думаю, что тема требует дополнительного изучения и описания, и я еще вернусь к повороту на Тюмень.

«Мы застопили пару автобусов, которые отвезли нас по 20 км каждый, а потом остановилась грузовая «Газель», которая довезла нас до самого Ростова.»

Путь на Юг, ч.1

«Как хорошо, что белые жирафы
Пасутся на газоне под окном»

Чтобы зима была пушистой

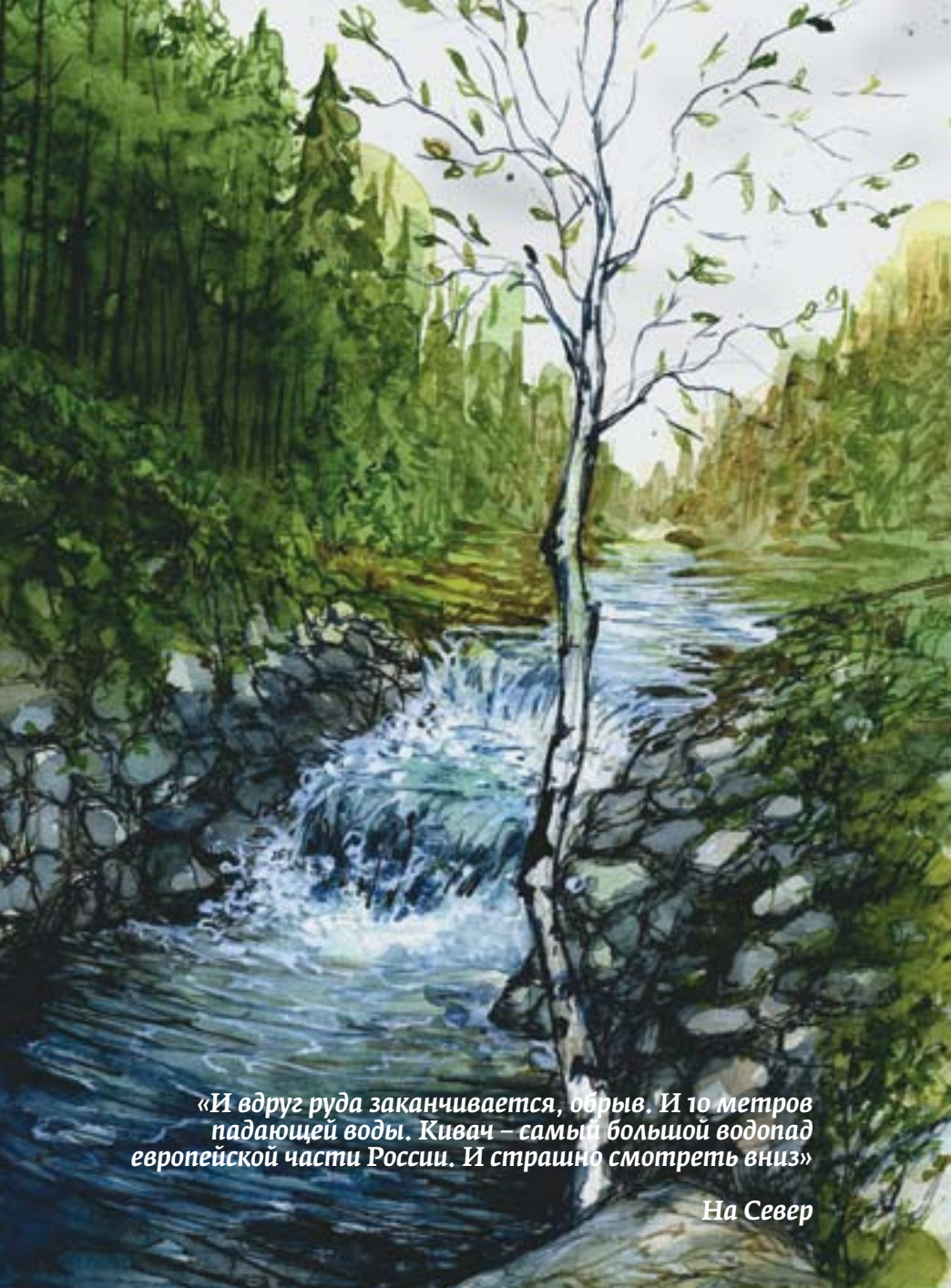
**«Вот они, четверо, на перроне с украинским флагом,
но в Москве, на Курском вокзале. Фото сделано
месяца за 4 до описанных событий»**

Гастроли по-украински

**«Со временем память разбивается на пазлы.
Навскидку находятся только самые яркие. Или самые
нелепые. Или самые дорогие»**

Лоскутные воспоминания

«И вдруг руда заканчивается, обрыв. И 10 метров
падающей воды. Кивач – самый большой водопад
европейской части России. И страшно смотреть вниз»

На Север

«Мокрый асфальт сливается с мокрой травой, туман – с облаками, звезды – со своими отражениями в асфальте. Вокруг нас – со всех сторон, и сверху и снизу – огромный холодный космос, и машина, вздохнув, освещает приборами лицо водителя, и прокладывает себе путь дальним светом»

Кошь и Самара

**«Питерские крыши, окна со шторами и котами на
подоконниках, теплые квадратики под холодным
вечерним небом, солнце закрасившее горизонт, ребята,
что-то обсуждающие - все плывет, размазывается
и тонет»**

Последний день весны

«...помню, что стояли рядом с населенным пунктом «Клубничная», помню, что до него нас подвезли ребята-строители, запустив в кузов-бытовку. Помню закат за спиной, работающий комбайн, телегу, пересекающую трассу и уходящую в нескошенное поле...»

Трасса Новосибирск-Москва

Песни

Академгородок

(посв. Новосибирскому Академгородку)

*Теплый август — остывает Сибирь,
Ранний вечер в Академгородке,
Уголки парусов на Оби
И прощальная монетка в руке.
Это лето от нас спряталось здесь,
Мы случайно забрели в его дом:
Отыскать его в прохладной воде,
И прошептать по нему босиком.*

Em — Am — H7
Em — Am — D
G — C — Am
C — D
Em — Am — H7
Em — Am — D
G — C — Am
C — H7

*Это то, о чем мечтается по фильмам:
Оказаться за сто тысяч километров,
И найти все, что не находилось в жизни,
И, оставив все, как есть, исчезнуть с ветром.
Только голос, только взгляд, осколки смеха,
Даже фото не останется на память,
Кто-то был здесь, только, кажется, уехал...
Только три цветные камешка в кармане.*

C — D — G
C — D — Em
C — D — G
C — D
C — D — G
Am — D — Em
C — D — G
Am — H7

*Не скучайте по мне, берег и лес,
Так всегда, когда пора уезжать:
Слишком много на неделю чудес.
Только как бы самому не скучать.
Уезжая — уезжаешь не весь,
Часть души уже подарена вам.
Слишком много искушений быть здесь,
Слишком много недоделано там.*

*Зато есть сюжет для сна по зимней стуже,
Если вдуматься, его не так уж много:
Это пляжный ветер в облепихе кружит,
Это волны ловят за босые ноги...
Это то, что остается с нами вечно,
Если Бог позволит, память не обманет.
На другом конце страны — знакомый ветер.
Если вдуматься, не так уж это мало.*

Впрочем, все это поймется потом,
 А пока еще сидим на песке.
 Солнце просится нырнуть в горизонт,
 Как та самая монетка в руке.
 Хорошо, что можно просто молчать,
 У воды сидеть, молчать о своем...
 Мой любимый взмах рукой: «Не скучай!»
 Две минутки посидим, и пойдем.

Обернусь, не удержусь на тропке зыбкой,
 Задохнусь на миг желанием остаться,
 Если вспомнишь — вспоминай меня с улыбкой,
 Я весьма весомый повод улыбаться.
 Солнце катится над соснами, цепляясь,
 Паруса на горизонте скоро слягут...
 Это было — значит лето состоялось.
 Две фигурки удаляются по пляжу.

Новосибирск, 30-31.08.2008г.

Ветер на трассе

(посв. г. Липецку)

Асфальт подметает холодный дождь,
 И не увернуться от мелких брызг,
 На все наплевать, если ты ждешь,
 На этом и выстроен мой мир.
 И ветер мне шепчет: «Прибавь шаг!»
 И я поднимаю палец вверх.
 Только вперед, наплевать как,
 Я вижу Путь и я знаю Цель.

Из зоны тумана в зону зари,
 Из зоны заката, в зону дождя,
 И сердце колотится за двоих,
 У ветра на трассе твои глаза.
 Да, я не принц, и не его конь,
 Да, я не сказочный менестрель.
 Ветер на плечи кладет ладонь.
 Я вижу Путь и я знаю Цель.

Твой город — следующий поворот
 Проеду, сжав себя в кулаке.
 О том, что ты меня там ждешь
 Известно мне, но не тебе.
 Только б не рухнул мой мир
 Молча споткнувшись о твой взгляд...
 Это единственный шанс дойти:
 Только к тебе. Наплевать — как.

04.11.2007г.

Em — G — D — H
 Em — G — Am — H7
 Em — G — Am — C
 C — Am — D — Em

Волшебный третий

(посв. г. Дивноморску)

Когда выхода нет и входа нет,
И опять не хватает рубля на билет,
Указующий Божий перст подобен плети.
В ритме сердца забьется небесный мотор,
Впутав все эпизоды, замрет режиссер,
На скрещении трасс выходит Волшебный Третий.

Am
F
Dm – E – Am - E

Он не спал двое суток, обедал вчера,
Для него это – очередная игра,
Пунктом «А», пунктом «Б» назван
лишь номерок на карте.

F# - F

Он надежду и волю оставит для вас,
Его жизнь – просто очередной трагифарс,
Пожалейте его про себя, ему этого хватит.

Волшебный Третий – этот тот,
Кто всегда скажет нужный тост,
Кто разольет вино не проронив ни капли.
С ним можно петь, с ним можно пить,
Но не спеши его любить:

Am - Dm
Am - Dm
F# - F – Am (F#-F)

Он всегда третий, значит лишний в любом раскладе.

Он поможет толкнуть из грязи авто,
Он поможет допить молодое вино,
Он укажет влюбленным на всю бессмысленность спора.
Он смеется когда его в суге бранят,
Он всегда вызывает огонь на себя,
Пока хватит ресурса небесного мотора.

Волшебный Третий сыт и пьян,
Хоть всегда пуст его карман,
Он всегда ваш, он едет к вам, кто его встретит?
Всегда с людьми, но одинок,
Наверно он немножко Бог,
Наверно он и вправду Бог, Волшебный Третий.

Наверно он и вправду Бог, Последний Третий.

Наверно я немножко он, Волшебный Третий.

14.08.2007, Дивноморск

Вторая попытка

Заснуть на диване забыв про будильник,
В сырую подушку упрятав улыбку.
Возможно все будет иначе, чем было,
Вторая возможность, вторая попытка.
Вторая возможность прийти и остаться,
Поверить словам на заметив ошибки,
Вторая заявка на личное счастье,
Вторая попытка, вторая попытка.

A
E
F#m
D

Любовь всегда одна,
К гламурным девкам, к заполярным городам,
И алгоритм таков, что ты в итоге все теряешь.
Попробовать забыть,
И попытаться что-то изменить...
Любовь всегда сильнее, и ты об этом знаешь.

A
E – F#m
D – A
E – F#m – D – A
E – F#m
D – A
E – F#m – D – A

Гранитные души, гранитные стены,
Бетонных перронов сплетения хитры,
И ты уезжаешь все дальше на север,
Ведь мы не умеем менять алгоритмы.
Набить СМСку, послать телеграмму,
Успеть извиниться, отправить открытку...
Она запечется еще одним шрамом
Вторая попытка, вторая попытка.

Любовь всегда одна,
К гламурным девкам, к заполярным городам,
И алгоритм таков, что ты в итоге все теряешь.
Попробовать забыть,
И попытаться что-то изменить...
Любовь всегда сильнее, ты снова проиграешь.

25.02.2006г.

Город-которому-принадлежу

(посв. г. Москве)

Прости меня, Город-которому-принадлежу, A – E – F#m
За то, что шатаюсь по свету, D
За то, что все время ищу то, что не нахожу,
Какое-то вечное лето,
За то, что так редко стою под осенним дождем
С тобою на пару,
За то, что меня не умножил зеркальный объем
Твоих тротуаров.

Прости меня, Город мой, Город мой, брось мне в лицо
Свои пятипалые листья,
Маршруты замкнулись в кольцо, нарисуй меня, Город
Рябиновой кистью,
Спасибо за то, что хранишь меня, где бы я ни был,
Приходишь мне снами,
Спасибо за то, что смотрю в твое небо
Твоими глазами

Но, даже когда я иду сквозь тебя в моих снах, A – E – F#m
Я слышу твой ветер в моих волосах. D – A
Сигналы машин, звон капли, и птичий галдеж... F#m – C#m – D
Люблю тебя, Город, и знаю, что ты меня ждешь A – E – F#m

Держи меня, Город-которому-принадлежу,
В своих перекрестьях,
Ведь, даже когда я в чужих берегах утону,
В тебе я воскресну,
Ты с птичьих высот предо мною несешь свою жизнь
По бархатной коже асфальта,
Над венами улиц, в кроны как будто вплелись
Твои тонкие пальцы.

Но, даже когда я иду сквозь тебя в моих снах,
Я слышу твой ветер в моих волосах.
Сигналы машин, звон капли, и птичий галдеж...
Люблю тебя, Город, и знаю, что ты меня ждешь

Город-храм

(посв. г. Новгороду Великому)

Не уходит закатное солнце, Dm – E
А греет собой горизонт. Am – F
Все проходит, но если вернется, C – G
Уже никогда не пройдет. Am – F
У тебя есть единственный шанс
Дотянуться до края зари.
Все что было, останется в нас,
Все, что нужно, не вне, а внутри.

Без щелчка отворяется дверь,
Повинуясь осенним ветрам.
Если ты мог когда-то не верить,
Поплыли к другим берегам.
Если так тебе легче, то пусть –
Я пойду не касаясь руки.
Здесь не важен отмерянный путь,
Важно встать и пойти.

Если есть Город-Храм, C – G
То он в сердце моем. Am – Em
И его бесполезно искать F – G
По другим городам. C

И ладони стремятся к закату,
И мило лежат за спиной.
Все, что было далеко, но свято,
Лежит пред раскрытой рукой.
Пусть и цели и средствам воздастся,
А путник останется бел,
Но подумай, как все же прекрасно,
Что есть эта цель.

Ели время дорог не настанет,
Нарушится вечный покой.
Меркнет солнца закатный багрянец –
Путь к храму у каждого свой.
Пусть дорогу осилит идущий,
Согретый теплом моих рук:
Не разрушив черты, не поврать
Заколдованный круг.

Город-Храм все же есть,
И сегодня он здесь.
Посмотри, он стоит от порога,
До самых небес.

Заговор

(посв. г. Нижнему Новгороду)

<i>У меня есть секрет, и, наверное, все же не стоит</i>	C – G – F – C
<i>Открывать свой закрытый на ключ</i>	
<i>потаянный карман.</i>	Am – Em – F – C
<i>Ему восемь столетий, и до сих пор его строят,</i>	Am – Em – F – C
<i>Я, склоняясь к воде, как язычник, шепчу по слогам.</i>	Am – Em – F – G

<i>Забери мою беду, Бегущая Вода,</i>	C
<i>Унеси мою беду, Бегущая Вода,</i>	Am
<i>Утопи мою беду, Бегущая Вода,</i>	Em
<i>Сделай так, чтоб я ее забыла навсегда.</i>	F – G

*Я неожиданно приду, и меня здесь узнают и встретят,
И безумное время, опешив, замедлит свой бег.
Я стою на земле, у огня, треплет волосы ветер,
Я смотрю на скрещенье двух русских и девичьих рек.*

*Излечи меня, Земля, возьми всю дрожь с колен,
Укрепи меня, Земля, что камни этих стен,
Одари меня, Земля, дай твердости шагов,
И веди меня по свету чисто и легко*

Мне пора уходить, как и лету. Без двух минут осень.
И дорога сырая, но песня совсем не о том.
Я умею молчать, пока напрямую не спросят.
Но не петь — не могу, и о самом своем, потайном.

Расплети все узелки, мой Ветер, в волосах,
Отыщи и подхвати, как парус на волнах,
Что отпущено судьбой, да что мне Бог послал,
Принеси мне Ветер, то, что кто-то заиграл.
Помоги раздуть Огонь сигнальных берегов,
Защити меня, Огонь, возьми моих врагов,
Обогрей меня, Огонь, живи пока жива,
Закали меня, Огонь, как сталь, мои слова.

29.07 – 15.08.2010г.

Кайф

По земле гуляет ветер, открывает глаза,	C – G – D – G
Отражаются планеты в придорожной воде	C – G – D – Em*
По шоссе идет бродяга озираясь назад,	
И подняв свою ладонь он держит жизнь налегке.	
За плечами пол батона, спальник, пара кассет,	
Отражает его кеды непросохший асфальт.	
Он не прав, но не спеши его судить по себе,	
По земле гуляет ветер, каждый ловит свой кайф.	

По правительственной трассе едет черный рыдван,
Бронировано-тонированный, слепит глаза.
Он несется как Шумахер, он плевал на туман,
Запорожцы и ГАИшники сидят по кустам.
Педаль газа до отказа, в бардачке пистолет,
Он торчит от этих фенек как довольный удав.
Он не прав, но не спешит его судить по себе,
По земле гуляет ветер, каждый ловит свой кайф.

На земле такое небо, что пищит детвора,
На дворе такое солнце, что слезятся глаза.
А ботаник сел в архивы еще позавчера,
И с тех пор не выходил он и не ел и не спал.
Он простые теоремы переделал совсем,
Он построил вечный двигатель буквально за час.
Он не прав, но не спеши его судить по себе,
По земле гуляет ветер, каждый ловит свой кайф.

На в труху разбитом с кейте или водной доске,
На огромной светлой сцене, в переходе метро,
Под огнем чужих орудий, с автоматом в руке,
Над обрывом на страховке, или все на зеро.
За рулем или в кабине, или просто в купе,
Закопавшись с головой или стоп-краны сорвав,
Каждый прав, кто свое небо подогнал по себе,
По земле гуляет ветер, каждый ловит свой кайф.

17.06.04г.

* На этом альбоме песня «Кайф» играет выше на 1,5 тона, то есть каподастр надо поставить на 3-й лад

Кузбасс

(посв. г. Новокузнецку)

Где капельки сердца - искрящийся уголь
Кузбасс выдыхает в открытое небо,
Промышленный город несет свои улицы,
Нас на них нету, на них уже нету.
И время, скрипя, зашагало обратно,
Забыв про вчера, про проблемы и возраст,
Туда, где целуются ветер и камни,
Мальчик и девочка смотрят на город.

Бежать от всего, что рисует морщины,
Хотя бы три дня без порезов на сердце,
От крашенных женщин, успешных мужчин...
...обними меня, дай мне согреться...
Так долго не видели белого света,
Разбей свой мобильник, и выброси паспорт.
Сидим на камнях, ловит волосы ветер:
Снова пятнадцать, снова пятнадцать.

Не спрашивай кто я, и где меня носит,
Спустившись с горы снова станем чужими,
Сейчас не хочу ворошить свою осень:
Ты видишь, в висках поселяется иней.
Уйду на рассвете, ветра не догонят,
Твой голос в ушах стуком сердца расколот:
Так слушай его, пока ладони в ладонях,
Пока мальчик и девочка смотрят на город.

Красноярск, 21.08.2009

Em – C – G – H7
Em – C – Am – H7
C – Hm
Em – C – Am – H7*

Любимый Город

(посв. г. Москве)

Когда Любимый Город засыпает первым снегом, C – D
А ты стоишь на трассе, чтобы уехать,
скажем, в Питер C – D
Ты смотришь на мокрый асфальт, на дома,
и на небо, G – D – Em
И тихо просишь одними губами, «Ну отпустите!» C – D
А небо швыряет мокрые хлопья в глаза F – G
И снег в этом году подозрительно рано F – G
И трасса, как обледеневшая полоса C – G – Am
Не пускает свои самолеты в дальние страны F – G

Ты со вздохом отпусти меня туда, C – G – Am – F
Где соскучившись, уже наверно ждут C – G – Am – F
Не родные мне, другие города C – G – Am – F
Не скучай Любимый Город C – G – Am
Я вернусь F – G
Я вернусь C – Am
F – G

Когда Любимый Город тебе снится урывками
Беспокойно-короткого сна в электричке
За окошком Уральские горы, подозрительно близкие,
Но смена пейзажей уже записалась в привычку,
А снится тебе обледеневшая трасса,
Вернуться зовущая в теплый уют квартиры
И ты понимаешь, что пройденное не напрасно,
И есть с чем вернуться в свой маленький центр мира

Тихо вспомни, позови меня туда,
Где давно уже забыли и не ждут,
Обвенчали по чужим по городам,
Вспоминай, Любимый Город,
Я вернусь

* На этом альбоме песня «Кузбасс» играется на 1 тон выше, то есть каподастр надо поставить на 2-й лад

Когда Любимый Город уже дышит теплом с дороги,
 И пройден Ногинск, и вдалеке горит кольцевая,
 Тебя несут твои безумно уставшие ноги,
 К дверям метро, которые уже закрывают.
 И тебя подождет волшебный хранитель ключа,
 Посмотрит сурово, не зло побухтит, но пропустит...
 Я снова здесь, я теку в твоих венах, как обещал.
 Я просто не мог, ты слышишь, не мог не вернуться

Пусть меня твоя подхватит суета,
 Пусть я в этой пестрой массе растворюсь
 Не родные мне другие города,
 И куда б я не уехал,
 Я вернусь!

Пермь, 08.09.2008г.

Мелодия Северного Ветра

(посв. г. Челябинску)

Что служит мелодией Северному Ветру?
 Как ему удастся гнать меня дальше?
 Умираю от холода, но кочую по свету
 Сжимая гриф окоченевшими пальцами.
 И с губ слова срываются инеем,
 И холод в крови становится ядом.
 Даже если найду тебя, ты не выживешь
 Под моим леденящим взглядом.

Закреть глаза, и в мир, неслепяще-яркий,
 Как в детстве хочется обнять планету.
 Спрятано где-то забытым подарком
 Теплое небо и вечное лето.

Снова проснуться в холодной комнате,
 Выйти прочь в холодную улицу,
 Спина прямая, куртка застегнута,
 Стальной безразличный взгляд в пол-лица.
 Чую след, бегу, выискиваю
 Признаки тепла от живого сердца.
 Почти успеваю догнать, останавливаюсь:
 Мне же не убивать, а согреться.

Глаза закрываю, и прячу свой взгляд,
 Заряженный сотней иголок.
 И, может быть, кто-то узнает меня,
 И спросит: где я бродила так долго?

Снова собачий холод на сердце,
 Снова я просыпаюсь простуженной,
 В мире, где никуда не деться,
 В мире, где никто никому не нужен.
 Прошлепаю по холодному полу,
 Заберу свои вещи с чужой полки.
 Здесь слезы замерзают не коснувшись пола,
 И я иду босиком по осколкам.

Я верю, что это однажды закончится,
 И мы обязательно встретимся где-то.
 Откуда не выгонят, да и не хочется,
 Где теплое небо, и вечное лето.

Челябинск, 13.12.2009г.

G – D – Am – H7
 Em – C – Am – H7
 Em – C – G – H7
 Em – C – Am – H7

C – D
 G – Em
 C – D
 C – H7

Мое междугородье

Прости меня, Город, которому принадлежу,
Я много сейчас расскажу,
И, может быть, это окажется лишним.
Но, я буду верить в твою доброту,
И, стоя над Яузой, на мосту,
Хочу чтоб ты слышал.

C – G – Am
F – C
Am – Em

Холодные трассы, квартирники по городам,
Где греет не взгляд, а стакан,
И дольше двух дней оставаться не стоит.
И, еле добравшись до этих мест,
Чехол с гитарой тяжел как крест,
Но, знаешь, оно того стоит.

Но ветер несет на восток и на юг,
Опять под ногами дрожит виадук,
Две фуры навстречу, и вот, концентрация силы...
Предгорья Алтая — далекие склоны,
Сигналят при встрече стальные драконы,
Я, вжавшись в отбойник, штурмую дороги Сибири.

C
Am
F – G
C – G
Am – F
C – Am – Em*

Я, может, чужую судьбу повторяя,
Страдаю болезнью Миклухо-Маклая,
И слезы со смехом.
Любой аргумент чтоб отправиться в путь,
Что где-то есть край, где меня ждут:
Прощай, собрался, уехал.

Дворцы и бараки, дорожные знаки,
Родная страна и с лица и с изнанки
И ночь догоняет неслышно ступая по следу.
И мокрый асфальт отражает планеты,
И звезды вокруг, и нету разметки
И фура плывет, Млечный Путь пронизав дальним светом

Столбы Красноярска, заводы Кузбасса,
Иртыш, Енисей, и, конечно же, трасса,
Но что это стоит?
Пол света пройти через зной или дождь,
Пол света мои — а ты не ждешь.
Пол света сломать — не построить.

И где-то вверху ухмыляется Бог:
«Не нравятся строки? Читай между строк!»
И боишься ответить.
И снова стоишь на каком-то мосту,
И взгляд поднимаешь в его пустоту,
И, руку подняв, скорее уехать.

И, наскоро штопая шрамы на сердце,
Тащиться домой, без надежды согреться,
И тяжесть стальных башмаков сотрясает дорогу.
Ведь все, что мы ищем, шатаясь по свету,
Живет только в нас, и нигде больше нету,
А жажда пути — только повод усмешки для Бога.

Но — не зарекаться, и клятвам не верить,
И ветром горячим Ростовские степи,
Встречают на южных границах.
И я, завершая недолгие сборы,
Опять возвращаюсь в промышленный город,
Который мне изредка снится.

Отсюда и здесь замыкается круг,
Белый DAF Мострансхолд уходит на юг,
А я — возвращаюсь к истокам.
И снова две фуры сигналят при встрече,
Кого мы любили — все с нами навечно,
И Бог улыбается, искренне, честно —
Вот истинный смысл автостопа.

А все, что мы ищем, шатаясь по свету,
Живет только в нас, и нигде больше нету,
И мы, словно фуры, сигналим при встрече,
Кого мы любили — с нами навечно.
И тяжесть шагов сотрясает дорогу,
А жажда пути — лишь усмешка для Бога,
Зови меня честно, без лжи или фальши,
Мне нужен твой голос, чтоб двигаться дальше.

C – G – Dm – Am
F – C – G – Am

24.07.2010г. — 16.08.2010г.

* В проигрышах надо играть аккорды, как в куплете, в последний проигрыш играется на аккорды последнего куплета

Ночной междугородний

Он жил для того, чтобы это однажды спеть:
«Есть только дорога, все остальное - смерть»
Я вдруг замечаю, что вижу мир сквозь прицел.
Возможно грех, зато у меня есть цель.
Возможно, меня поглотила эта игра.
Возможно, я вру себе, что не умею врать.
И путь неизвестен, шаги тяжелы и злы,
Я знаю, и я принимаю законы игры.

Эти пол-тыщи километров
Мне загораживают цель,
И ночь ложится на проспекты,
Рабочий город опустел.
Так много сделано сегодня,
Автовокзал, ладони взмах...
Я жду ночной междугородний,
Мне нужен следующий шаг.

Я знаю, сидящий на месте пишет в стол.
Поэтому я есть там, где есть автостоп.
Гитара и минимум шмоток — жизнь налегке,
Я буду петь там, где поют на моем языке.
Мне нет преград, если я чего-то хочу.
Нету дороги? Куплю билет, прилечу.
Чаю налей, и попроси меня спеть,
Найди позывной, позови меня через сеть.

Я не идейный автостопщик,
Мне надо двигаться вперед,
Я не молюсь на дальнобоя,
Спасибо всем, кто довезет.
С огромным миром между строчек,
С дареным плеером в ушах,
Несет ночной междугородний
Меня в мой следующий шаг.

Автобус Липецк-Москва, 20.07.2010г.

F#m — E — D — E
F#m — E — D — E
A — C#m — D — Hm
D — E — F#m — E

A — E
Hm
D
A
E
Hm
D — E
F#m

Сестра

(посв. безвестной красноярской кошке)

Скорость — километр в час,
В гору тащится КАМАЗ,
Мы сидим и ржем с водилой,
Боже, что я здесь забыла?
За спиной закат погас,
До рассвета еще час,
Итого — три часа ночи,
Я въезжаю в Красноярск.

До вокзала на такси —
Ничего не попросил,
По-любому денег нету,
Но есть бутерброд с котлетой
Значит будем жить пока
Нам значка так сладка,
Только вынимает душу
Этот взгляд из под ларька.

Здравствуй сестра, я как и ты здесь
никому не нужна,
Просто северный ветер погнал меня дальше.
Если спросят, я так много бы могла рассказать,
Но нельзя — я всегда должна улыбаться.

Задыхаются коты
От трехцветной красоты,
Точно, при таком фасоне
Королева на районе.
Видно, зверь — аристократ,
И такой зеленый взгляд!
Не хватает лишь лорнета.
Чур мне хлеб, тебе котлету.

C — H7
Em
C
G

H7

Em — D — C — H7 — Am
Em — D — C — Hm — Am
Em — D — C — H7 — Am
Em — D — C — Hm — Am

*Здравствуй сестра, я без пяти минут на тех же правах,
Впрочем, ты здесь своя, а мне до дома далеко.
Как сказать все, что не просто объяснить на словах?
Все, что с первого взгляда кажется легким.*

*Две ободренных души...
Жуй спокойно, не спеши.
Знаю, кто-то смотрит в спину.
Пусть попробуют, отнимут.
Был бы термос, был бы чай.
Чтож, счастливо! Не скучай!
Туман ветер гонит в горы:
Здравствуй утро, здравствуй город.*

*Здравствуй сестра, я как и ты вцепившись в жизнь буду жить,
А тем, кто метит нам в спины давно пора к окулистам.
Этот воздух режет легкий будто ножи,
Вот еще одна история из жизни артиста*

Где-то на трассе между Красноярском и Москвой, авг-сент 2009г.

Собачья вахта

(посв. г. Тольятти)

*Кто пересилил спячку зимней лени,
Тому до лета приключений хватит.
На перекрестках сотен направлений
Ветра меня забросили в Тольятти.
Промокнут ноги, будет не до смеха,
Но прежде чем валить отсюда нафик,
Надо доделать то, зачем приехал.
Надо взглянуть на памятник собаке.*

*Чтобы потом, в охалке впечатлений,
Как в куче листьев, неопрятно роясь,
На перекрестках сотен направлений,
Где-то в Тольятти откопалась совесть.
Чтоб поступая так, как мне удобно,
Любому быть готовым плюнуть в рожу:
Застыть под взглядом с бронзовым укором —
Под взглядом пса, который так не может.*

*Как зверь замерзший превратился в бронзу,
Бессменный караул живым по мертвым:
Он поведет своим холодным носом,
Посмотрит как я покидаю город.
Круглогодичная собачья вахта.
Что ж, до свиданья, город незнакомый.
В который раз я все начну с начала,
Но помню, что бывает — по другому.*

9.01.2009г.

Hm — G — D — F# (2 раза)
D — F#
Hm — G
D — F#
Hm — G
Hm — Fm
A — F
Hm — Fm
Em — F
Hm

Сталкер

(посв. г. Самаре)

*Между нами всего два часа езды -
Пока только два
Тебя не принимает Самара,
Тебя не отпускает Москва.
В этом казусе есть одна непонятность
Вполне понятная мне:
Этот город, что держит тебя — мой дом —
Он всегда на моей стороне.
Да, я слишком многое вслух говорю,
У меня всегда отключены тормоза.
Я все это сейчас допою,
А потом придется поднять глаза.
И я стану очередной пошлой шуткой
Твоих веселых друзей,
По тому, что за стеклами этих зрачков
Я слишком редко вижу людей.*

*Я сталкер чужих городов и сознаний,
Ты вынес меня из неравного боя.
Хотелось бы формул простых и понятных,
Хотелось интриги, но это другое.
Твой город опасен, и тем интересен,
И хочется снова рискнуть и приехать,
Но только твой взгляд дает темы для песен,
Не вспомнив тебя, мне там нечего делать.*

*И опять понесутся шпалы и рельсы,
У каждой волны особый формат.
И за грохотом жизни не останется времени
Вспомнить лицо, обернуться назад,
Но где-то в системной папке сознания
Останется, может, на тысячу лет
Особая функция воспоминаний —
Позвонить в твою дверь, и сказать «Привет»*

*Партизанскими тропами, дорогами славы,
Пробираюсь к тебе, от окопа к окопу.
Но в этот раз я, пожалуй, отстану:
Минус тысяча в личный журнал автостопа.
И, сжимая кулак, пропускаю свой поезд,
Твой город мигнет, и уйдет в подпространство,
Растает со всем, что хотелось запомнить,
Исчезнет из мира, в котором останусь.*

23.11.2009 — 5.12.2009

Тени

(посв. г. Липецку)

*Звезды испуганно спрятав в разрезах глаз,
Все уравнивая по друзьям и знакомым
Ангелы, ангелы, ангелы среди нас,
Бескомпромиссны, глобальны, весомы*

*Так неестественен и неуклюж их шаг
Улицы крыльями задевая
Мир их научит быстро сжимать кулак
Жаль что мир другим не бывает*

*Этот город из линий и схем
Останется черен, останется бел,
Но вдохнув оживут на свой страх
Отразившиеся в глазах твоих,
Таких сияющих и слепых,
Только этим они все и ценны,
Они только тени, они только тени.
Они только тени*

*Эта броня не подходит для женских плеч,
Но не по силам кому-то другому,
Выдай им фору, позволь им себя засечь
Когда ты выходишь из дома*

*Гибкий улыбчивый мастер полутонов,
Это не боль, это только начало
Выситя город окружностей и углов,
Тебе его катастрофически мало*

C — G — Am
F — C

G
D — F# — Hm
G — D
F# — Hm
G — D

*Этот город из линий и схем
Останется черен, останется бел,
Но вдохнув оживут на свой страх
Отразившиеся в глазах твоих,
Таких сияющих и слепых,
Только этим они все и ценны,
Они только тени, они только тени
Они только тени*

*Камень сутулую спину всегда найдет
Это толпа, а с толпой не спорят
Но даже толпы узревшие твой полет
Воют на небо, мол горе им, горе.*

*Страшно, но главное вовремя выдать себя,
Окрик настигнет как снег за ворот,
Ангел-хранитель, тепло городов храня
Крылья раскинет, закроет собой город.*

*Этот город из линий и схем
Останется черен, останется бел,
Но вдохнув оживут на свой страх
Отразившиеся в глазах твоих,
Таких сияющих и слепых,
Только этим они все и ценны,
Они только тени, они только тени
Они только тени*

01.09.2007г.

Этот город

(посв. г. Харькову)

*Суровый таможенник конфисковал 20 лет
при пересечении границы,
Стою, как ребенок, а детства давно уже нет,
не встречаются знакомые лица,
А брызги фонтана, взлетая, рисуют цвета,
и пахнет горячим асфальтом,
И так неожиданно глупо вернуться сюда,
где скорее всего не заплатят*

Em – C – G – H7

*Этот город швыряет себя мне в лицо,
Вокруг шеи кольцо,
И кровь на пальцах,
Ты. Твои реки-мосты,
Заметая следы,
Погибаю в боях за память*

Em – C – G – H7

*Десяток найду проходя по знакомым местам,
и снова восемнадцать,
Адрес пустой, все давно по другим адресам,
и некуда возвращаться,
Помнишь ноябрьский снег на открытых плечах,
мои руки - твоё дыхание,
Снова стою в этих ставших чужими дверях,
под грохотом воспоминаний.*

*Этот город генерирует холод,
Провоцирует бурю
Снег в июле
Голод,
Он был стар, станет молод,
Ему нужен лишь повод.
Меня обманули.*

*Десяток найду, как услышу ленивый «привет»,
и захочется плюнуть в морду,
Сбросив звонок потусуюсь в знакомом дворе,
с котом ободранном,
Память, прочь, будь добра, удалю номера,
забуду лица,
Вслед, взгляд в разбитом окне, вот мои 20 лет,
конфискованные на границе.*

*Этот город, ревнует без повода,
Жизнь перевернута,
Это скандал без правил,
Окон затвор передернут,
Мишень нарисована —
Кто меня не оставил?*

*Ты улыбаешься мне
Только наедине
Только так ты даешь согреться
Ревность сжигает не только людей
Я приеду к тебе
Выжив всех из сердца*

Поезд Донецк-Киев, дописано в Харцызске 28.06.2010 — 13.07.2010

Академгородок
(Новосибирск)

Ветер на трасе
(Липецк)

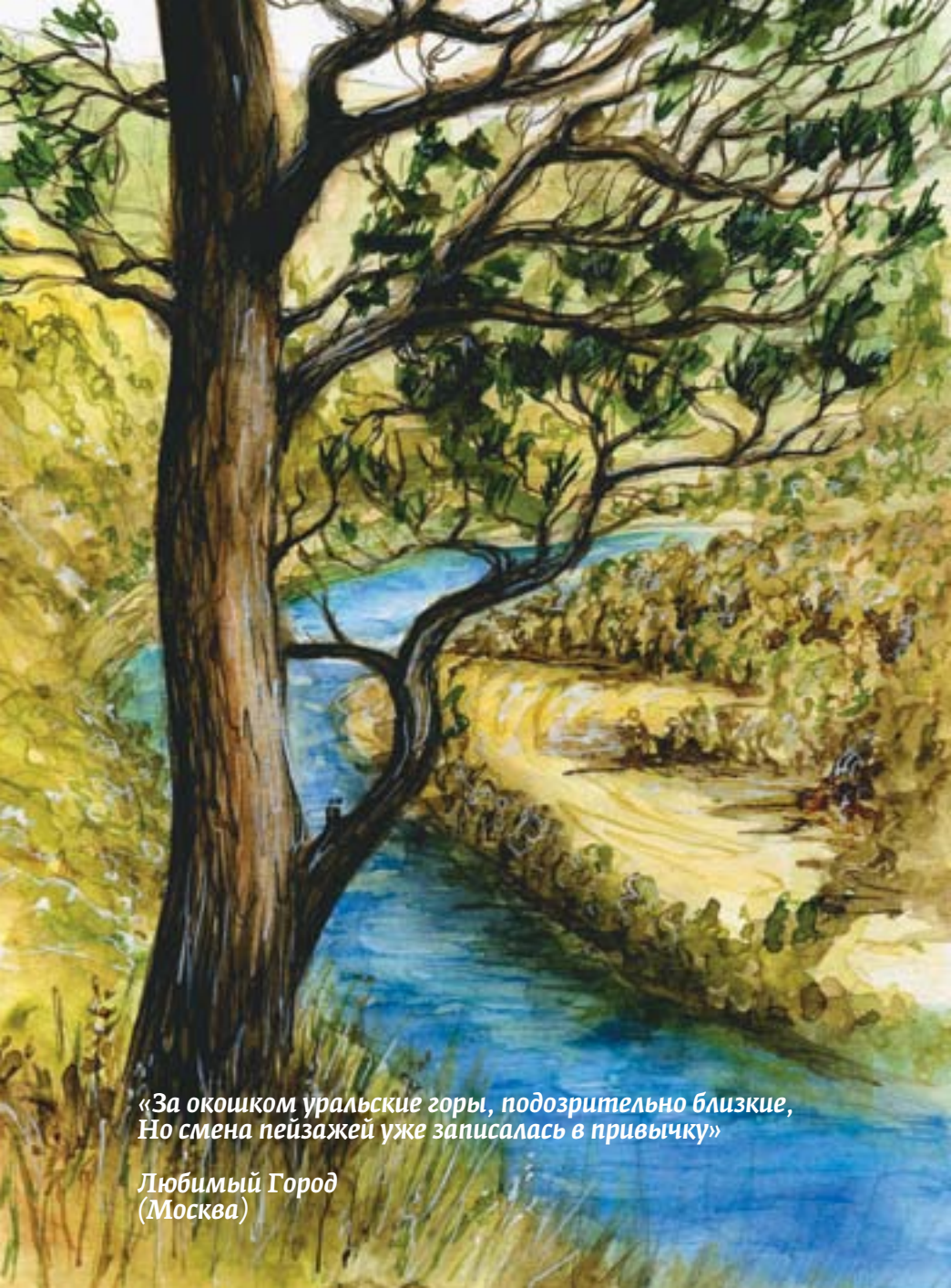
Город-которому-принадлежу
(Москва)

Город-храм
(Новгород Великий)

Кузбасс
(Новокузнецк)

«За окошком уральские горы, подозрительно близкие,
Но смена пейзажей уже записалась в привычку»

Любимый Город
(Москва)

Сестра
(Красноярск)

Собачья вахта
(Тольятти)

СТИХИ

* * *

*В температурном полусне пишу тебе письма,
Забываясь пишу, доходя до ручки, до точки,
Но между нами такой океан разницы прожитых жизней,
Что, даже если прочтешь, все равно не поймешь ни строчки.*

*Если судить по паспорту — вовсе не старые,
И проживаем вроде не в разных странах,
Но я все ношусь со своими знаменами рваными,
Что не поймаешь на географических картах.*

*Яне из тех, кто тихо рыдает в платочек,
Я не отдам тебе этот порыв откровения,
Ведь, если прочтешь, все равно не поймешь ни строчки,
А, даже если поймешь, все равно не оценишь.*

15.12.2009г.

посв. г. Самаре

День странных стихов

*Ночь уплыла, оказавшись каким-то кошмаром,
Пустая квартира, я снова черт-знает-где.
И есть пара дней, оправится после удара,
Сегодня со странных стихов начинается день.*

*Пейзаж неизменно-уныл, куда б ты не ехал,
Хранить то, что есть, сложнее, чем искать, чего нет.
Расплакаться — пошло. Мешаю оскалы со смехом.
А, впрочем — плевать. У любви победителей нет.*

Новокузнецк, 14.08.2009г.

* * *

*Еще пара часов в этом проклятом мире,
Где я губами ищу твои пальцы.
С усмешкою смотрит пустая квартира,
Скажи мне «останься», скажи мне «останься».
Скажи мне «останься», но ты ведь не скажешь,
И я, попрощавшись, конечно, уеду.
Сотру из блокнота названия станций,
Забуду дорогу на эту планету.*

Новокузнецк, 15.08.2009г.

Ночь странных стихов. Урал

*Еще одна ночь странных стихов
Подбрасывает с постели, швыряет к столу:
«Пиши что хочешь, хоть список долгов,
Будь тем, кто постоянно в долгу».*

*Спорить бесполезно, проще встать,
Набросать то, что видел в полусне.
Для очистки совести, хоть что-то написать,
Чтоб считаться поэтом весь следующий день.*

*Потом встать, выйти на балкон, плюнуть вниз,
Понять что за бортом минус тридцать.
Чужой город ключьями ночи навис,
Смотрит: чего мне в тепле не сидится?*

*Пол четвертого. Ни одного прохожего.
Даже машины на морозе сутулятся.
Да мне и дома не сидится тоже —
Здравствуйте, чужие проспекты и улицы!*

*Наверное, думала здесь интересней,
И города чужие теплее и чище...
Географию надо было учить, а не песни петь:
Декабрь. Урал. Минус тридцать*

Екатеринбург, 15.12.2009г.

Полнолуние августа

*Полнолуние августа душит, жжет,
Я в чужих городах, я в плену дорог.
Непонятно, падение ли, полет,
Непонятно, урок ли, уже итог?
Языком сквозняков и пустых квартир
Непривычно, но надо дышать, писать,
Только сольный концерт так похож на тир,
Только тир с хеппи эндом, без права упатъ.*

*Бесполезность молитвы на образа:
Если видишь святого — махни рукой!
Сделай так, чтоб отрадно смотреть назад,
Уходи же! Пока ты еще не свой...
Телефон аккуратненько запиши,
А потом зачеркни его крест на крест.
Даже если выкинешь всех из души,
В ней уже не осталось свободных мест.*

26.08.2007г.

* * *

*Снова хочется странных стихов
В на восток плывущем тамбуре,
Снова у мира нету основ,
Да и черт с ним, даешь анархию.*

*Выбивая из-под ног землю,
Ощущая на лице воду,
Холодно. Но единственное, что приемлю,
Это полная, слышишь, полная свобода.*

*Похоже, мы с вагоном ровесники —
Ветер из под рамы колышет волосы —
Все колесим, да никак не переберемся:
Рельсы-шпалы, ответы-вопросы.*

*Ощущая в голове искры,
Ощущая на глазах слезы,
Одной свободы хватит на «Я и ты», слышишь?
Но СМСки всегда приходят слишком поздно.*

Поезд на Пензу, 08.12.2009г.

* * *

*А я иду по деревянным городам,
Где мостовые скрипят как половицы
А. Городницкий*

- Что тебе сказать?
 - Скажи хоть что-нибудь.
 - Мне нечего отдать и нечем оправдаться.
 - Пусть.
 - Я пуст. Я растерялся, и я не понимаю своих чувств.
 - В твоих глазах я вижу грусть.
 - Да, этот груз я зацепил на перекрестках,
тех дорог, куда давно хотел дойти,
но раньше я не мог.
Теперь я видел те пути,
но я не вижу смысла там идти.
 - За смыслом тоже долог путь.
 - Ты знаешь, там красиво.
- Но, видно, нет на мне креста,
до сердца не доходит красота,
и я иду по этим золотым долинам,
как фермер от забора до овина.*
- Ты просто много повидал, устал.
 - Да, я сто лет вдосталь не спал,
спешил, кого-то торопил,
увидеть больше, чем заранее решил,
объять весь мир,
зайти на каждый пир,
и попроситься к каждому огню...
- Прости, я, видимо, совсем не то сегодня говорю...*
- А я... я, знаешь,... я тебя люблю

Новокузнецк, 14.08.2009г.

Слалом

*Этот слалом на четыре тысячи километров —
Путь к тебе.
Это просто кусок моего мира
До краев полного любви.*

*Трассы, развязки, поселки, елки,
Реки, степи, моря, и не только,
Солнце, дождь, гитара промокла,
От мокрой куртки запотели стекла.
Беседа и смех, кафешка,
Жизнь вперемешку.*

*А я поверила. Как мило.
Знаешь, спасибо, что это было:
Трассы России, гнилые бараки,
Дорожные знаки,
Твои СМСки,
Теплое место,
Это так смешно,
Ехать, зная что...*

*Бывает, встречаются люди,
Теперь то уж все будет:
Если я могу полюбить до дрожи,
Меня можно полюбить тоже.
Жизнь не скупилась —
Я заслужила.*

*Четыре тысячи к ряду
Я хотела, чтоб ты был рядом.
За окном Россия —
Слишком красиво
Для одного моего взгляда.*

*Твой взгляд —
Об него-то я и споткнулась.
Пространство и время свернулись,
Дуплетом.
Зачем мне все это?
Вещи собрать и бежать.*

*Ветер на трассе.
Дяденька, здравствуйте!
Опять трепаться,
Смеяться.
И все.
И боль отыграет свое.
За каждую теплую крышу,
Из всех четырех тысяч.*

*Что еще рассказать?
Да, пожалуй, хватит.
Твои СМСки на ночь глядя,
Рукой не твердой:
«пошел к черту».
Хватит.*

16.11.2007г.
посв. г. Липецку

Возвращение в Харьков

*Я однажды вернулась, и город,
Который обычно швыряет себя мне в лицо,
Неожиданно, с грустной улыбкой промолвил:
«ты помнишь?»
Помню я? Конечно же
я помню все,
Теплый снег на лице, плечи мерзнут,
ладони дыханием греешь в ладонях.*

*Я однажды вернулась, и город,
Который судил обо мне по себе,
Вдруг набросил на плечи свой ласковый вечер.
Он ласкает лицо,
он поет обо мне в водосточной трубе
Всех, кто мог меня ждать,
он сломал о свою неизбывную ревность.*

*Я однажды вернулась, и все,
кто мне ждать обещал,
Отвернулись, как будто бы кто-то
командовал строем.
Я стою на краю, и я чувствую снег
на горячих плечах,
Этот город дыханием греет ладони в ладонях.*

Поезд Донецк-Киев, 28.06.2010г.

Павлова Александра,
www.koshka-sashka.ru